

A person wearing a white lab coat and safety goggles is pouring a red liquid from a glass beaker into a petri dish. The background is blurred, showing laboratory equipment.

ЭНДРЮ МЭЙН

ТЕОРИЯ УБИЙСТВА

ОХОТНИК

Эндрю Мэйн
Теория убийства

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Мэйн Э.

Теория убийства / Э. Мэйн — «Издательство АСТ»,
2019 — (Охотник)

ISBN 978-5-17-133378-2

Профессор биоинформатики и охотник за серийными убийцами доктор Тео Крей получает неофициальный запрос от ФБР о расследовании необъяснимого убийства. Двое криминалистов погибли на том самом месте, где пойманный Креем убийца закапывал тела своих жертв. Под стражей находится судебно-медицинский эксперт в состоянии шока, не проявляющий агрессии. Магнитно-резонансная томография его мозга показывает нечто необычное. Что же заставило его совершить убийство? Вскоре доктор Крей обнаруживает таинственного человека, посещающего места преступлений. Его новый враг обладает не менее великолепным интеллектом, чем сам Крей, и так же патологически одержим...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-133378-2

© Мэйн Э., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	37
Глава 11	41
Глава 12	44
Глава 13	47
Глава 14	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Эндрю Мэйн Теория убийства

Andrew Mayne
MURDER THEORY

Печатается с разрешения литературных агентств Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

© Andrew Mayne, 2019

© Перевод. А. Попов, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Пролог Фанат



От вида беспомощного человека в инвалидном кресле по спине бежали мурашки. Нет, в этом не было ничего физиологического или извращенного, но от понимания, кто именно был сейчас без сознания и в полной его власти, – он приходил в экстаз.

Он откатил инвалидное кресло на край бетонной террасы, развернул сидящего лицом к себе и опустился на скамейку напротив. Какие мысли проносились сейчас в этом дремавшем сознании? Хотелось спросить о тысяче вещей, и тайна человеческого мышления была лишь одной из них. По-настоящему завораживала возможность узнать, как мышление именно этого человека стало таким необычным.

А это сознание действительно было уникальным. Он поднял взгляд на звездное небо. Сириус выделялся яркой искрой среди миллионов звезд, которые сияли не так ярко, поскольку находились значительно дальше от земли. Он продолжал разглядывать небо, пока не нашел небольшую туманность, которая на самом деле была целой галактикой. Человек в кресле был похож на эту галактику – скопление сияющих солнц, видимое с огромного расстояния, – настолько особенным он был.

Если бы только было время поговорить, вступить во взаимодействие с этим интеллектом и сравнить себя с ним. В этот момент он почувствовал грусть. Потому что уже знал результат такого сравнения. Да, этот человек был умен, чрезвычайно умен, и что? Вот он обездвижен в инвалидном кресле, без сознания и абсолютно беззащитен.

Голова сидящего свесилась набок, и в лунном свете была отчетливо видна сонная артерия. По какой-то случайной прихоти эволюции столь уязвимое место оказалось таким доступным. В кармане лежал скальпель. Чтобы вынуть его и оборвать жизнь неподвижного человека хватит нескольких секунд – он истечет кровью практически моментально, все глубже и глубже погружаясь в бессознательность, пока не уйдет насовсем.

Это будет безболезненная смерть. В некотором смысле человек уже был мертв. Его сознание – именно та часть, которая задавала вопросы, делала выводы, принимала решения и действовала, сейчас отсутствовала. Один небольшой надрез, и она уже никогда не вернется.

Он вынул скальпель и снял защитный чехол с лезвия. Чтобы проверить собственную силу воли, он приставил острие к шее неподвижного мужчины, лишь слегка надавив – недостаточно, чтобы прорезать кожу.

Да, он вполне мог это сделать. Даже усилия особого не понадобится – меньше, чем при рукопожатии. Одним движением ромбовидное лезвие прорежет кожу, эпидермис и стенки артерии. И вся кровь, которую сердце прокачивает, чтобы поддерживать работу мозга – этого

мозга, – хлынет наружу. Но это оставит столько следов. И если его будут искать, то обязательно обнаружат следы ДНК, разве что сжечь тут все дотла.

Но это уже не важно. Если они придут... когда они придут, будет уже поздно. Не только для человека в кресле, для всех. План уже в действии. Поступок совершен.

Встреча с этим человеком была случайностью, неожиданным поворотом сюжета. Восхитительной кульминацией этого... Он даже не мог подобрать точного слова произошедшему. Но название обязательно появится, он был уверен. Они умеют придумывать имена трагедиям. И находить для них лица и символы.

Интересно, сколько им понадобится, чтобы узнать его лицо. Ясное дело, рано или поздно его бы вычислили, но что все произойдет именно так и настолько быстро, он не ожидал. Когда появился этот человек, ему показалось, что все стало известно. Но нет, тот был один. Потому что его ум двигался огромными скачками там, где другие еле ползли. И этот ум завел его сюда. Одного. Беспомощного и неподвижного.

Он надел чехол на лезвие и убрал в скальпель карман. Вместо этого достал из-за пояса пистолет. Отвратительное оружие, которое пришлось использовать лишь несколько раз. Трудно было вообразить более неподходящее орудие убийства. Он держал пистолет в раскрытых ладонях, словно Библию, и некоторое время смотрел на него, затем перевел взгляд на шевельнувшегося в кресле человека.

Скоро он придет в себя. Говорят, не стоит встречаться со своими кумирами. Очень неудобно получается, когда приходится их убивать.

Глава 1

Полониевый гамбит



Я сижу в подвальном помещении посольства США в Москве, мужчина напротив меня откровенно нервничает. Его зовут Константин Коновалов, и его уже допросили сотрудники посольства и оперативники ЦРУ. Но это стандартная процедура для иностранных сотрудников посольства, я же для него загадка, и он не может оторвать взгляда от алюминиевого чемоданчика на столе. Коновалов уверен, что американцы не станут пытаться гражданина России в такой ситуации, по крайней мере, в этом его уверяли те, кто отправлял на задание и принимал отчеты.

В американском посольстве и связанных с ним зданиях более тысячи двухсот сотрудников, большинство из них россияне. Такое количество местных – одновременно рабочая необходимость и адская головная боль для спецслужб.

Коновалов – шпион. До некоторой степени все русские, работающие в посольстве, – шпионы. Нет, это не значит, что они все до единого работают на ФСБ или русскую разведку, но информацию в эти организации передают регулярно. С американцами в российском посольстве точно так же работают наши спецслужбы. Нынешняя ситуация отличается лишь тем, что мне нужно выяснить, убийца Коновалов или нет.

Шесть дней назад другой русский – Тимофей Артемьев – обратился к сотрудникам посольства с предложением информации в обмен на политическое убежище. Артемьев руководил небольшой компанией, разрабатывающей программное обеспечение. Заказы у них были в основном государственные. Фирма Артемьева разрабатывала боты для взлома компьютерных сетей. После того как ему третий раз запретили выехать на конференцию за рубеж, Артемьев понял, что его никогда не выпустят – он был слишком ценным кадром.

Он погиб четыре дня назад на одной из секретных квартир, был отравлен чем-то радиоактивным, скорее всего торием или полонием. Спец из разведки провели предварительное расследование и определили чуть больше двадцати подозреваемых. Все они недавно были задержаны, но не больше чем через пару часов их придется отпустить, иначе разразится дипломатический скандал.

За это время нужно найти убийцу и заодно выяснить, кто же из посольских сдал расположение секретной квартиры, где прятался Артемьев. Конечно, на главного подозреваемого можно надавить, но если мы вдруг ошибемся, это плохо кончится.

Я не мастер допроса и даже не разведчик. Я ученый. Более того, я специалист в вычислительной биологии, который использует методы компьютерного моделирования для построения моделей биологических систем. Меня пригласили, чтобы я применил свой так называемый нетрадиционный подход.

– Мистер Коновалов, мне нужно будет взять несколько образцов, – говорю я, открывая чемоданчик.

– Вы – врач? – спрашивает он с легким акцентом.

– Просто техник, – я достаю несколько пробирок и ватные палочки. – Это займет лишь пару минут.

Я надеваю тонкие перчатки, поднимаюсь со своего места и подхожу к Коновалову. Он нервничает, но позволяет мне взять мазок из уха. То, что я при этом еще взял волосок, он не замечает.

– Ну, вот практически и все. Образец слюны – плюньте вот в эту пробирку – и мы закончим.

Он выполняет мою просьбу скорее в замешательстве, чем обеспокоенно. Если это он убийца, то прекрасно понимает, что взятые мной образцы ничего не скажут о контакте с радиоактивными изотопами.

Анализ, который я провожу на самом деле, ему не заметен. Даже три анализа, если быть точным. В соседней комнате специалисты устали в мониторы видеонаблюдения и следят за происходящим. На один из мониторов выводится картинка с тепловизионной камеры, она определяет температуру тела подозреваемого. Система на основе миллиметрового радара, встроенная в стол, отслеживает движения и кожные реакции. Я помещаю образец слюны в пробирку с реактивом, закупориваю и встряхиваю.

– Ищите в моей ДНК следы обезьяны? – шутит Коновалов.

– Нет, следы йода.

Препараты с йодом применяют при лечении лучевой болезни, а те, кому предстоит работать с радиоактивными материалами, принимают их профилактически. Жидкость в пробирке становится синей, и я делаю пометку в блокноте, изо всех сил стараясь не обращать внимания на реакцию Коновалова. Затем убираю пробирку.

– Спасибо, мистер Коновалов.

Он поднимается со стула и направляется к двери.

– Извините, еще один момент.

Его рука уже на дверной ручке. На лице отражается напряженная работа мысли. Если он убийца, то сейчас скорее всего решает, не пора ли попытаться сбежать.

Я поднимаю пробирку, жидкость в ней теперь красная.

– Присядьте, пожалуйста.

Наш убийца не поведется на блеф, если заметит какие-то несостыковки, поэтому сейчас мне нужно быть предельно осторожным. Я достаю из чемоданчика другую пару перчаток, черных с серебристым отливом. Зрачки Коновалова сужаются. Интересно. Это перчатки радиационной защиты. Более того, они произведены в России и куплены мной специально для этого момента.

Из чемоданчика я достаю и кладу на стол небольшую коробочку, на сломанной печати виднеется надпись: «Национальная лаборатория Оукридж».

– Нужно взять еще образец кожи, – говорю я, доставая из коробочки миниатюрную иглу.

Коновалов бледнеет. Это не боязнь уколов, а страх смерти. Тот, кто убил Артемьева, сделал это примерно такой же иглой и прекрасно знает, что в Оукридже производят радиоактивные компоненты. Я встаю и направляюсь к Коновалову.

– Нет! Прекратите! – кричит он.

Я не спешу к нему приближаться. Скорее всего именно он убийца и наверняка прекрасно владеет боевыми искусствами.

Дверь распахивается, и в комнату входят двое морских пехотинцев, а за ними Чарльз Каман, глава службы безопасности посольства.

– Константин, давай продолжим разговор в моем кабинете, – говорит он спокойно.

Коновалова уводят куда-то, где его допросят, возможно, будут угрожать или подкупят. Я выкидываю пробирку в мусорку и собираю реквизит. Рид Стэнворт, непосредственный помощник регионального шефа ЦРУ, входит в комнату и садится на стул, с которого только что вскочил Коновалов.

– Отличное шоу, просто отличное!

Рид работает в посольстве под прикрытием. Официально он отвечает за освещение посольской деятельности в соцсетях. По виду он эдакий классический братишка из Южной Калифорнии, но я подозреваю, что это только образ.

– Дальше видно будет, – отвечаю я.

– Остальных можем отпускать?

Я пролистываю папку с досье.

– Хорошо бы еще проверить Изольду Ершову, у нее тоже реакции сильно выбиваются из средних показателей.

– Рыженькая? – Рид беззаботно качает головой. – Это вряд ли. У нее отец погиб на подлодке «Курск», и с тех пор она власти не любит. Но на роль шпиона она подходит меньше всех.

– И вам это не кажется подозрительным само по себе?

– Нет, так это не работает, – качает он головой. – Есть куча вещей, которые мы проверяем, характерные признаки, которые ищем.

– Ну, конечно, а русские об этом ничего не знают, да? Если бы я пытался заслать штатного разведчика, а не рядового информатора, то уж постарался бы, чтобы у него эти характерные признаки были как у самого невинного из невинных. А еще узнал бы, какие типажи будут для конкретного сотрудника отдела кадров наиболее привлекательными.

Манера Рида меняется – беззаботность исчезает, а глаза сужаются, как недавно у Коновалова. Он опускает взгляд и понимает, что в буквальном смысле сидит на детекторе лжи – системе, которая измеряет психофизиологические реакции. Насколько я знаю, Рид не двойной агент, просто он некомпетентен, что ничуть не лучше. Из-за его безалаберности Коновалова и Ершову взяли на работу в посольство, что в свою очередь привело к смерти человека, который мог встать на нашу сторону в нынешние непростые времена после холодной войны.

Открывается дверь, и в комнату возвращается Чарльз Каман.

– Рид, похоже, нам надо поговорить.

– Да кто ты такой, мать твою? – бросает тот, сверля меня злобным взглядом.

– Просто ученый.

По крайней мере, так я говорю сам себе каждый день.

Глава 2

Прилет

Я выхожу из самолета в Атланте и направляюсь к центру зала прилетов, стараясь заставить тело адаптироваться к новому часовому поясу. Путешествия меня особо не напрягают, а вот попытка привыкнуть к новому месту – да. Во время своей командировки я пытался приглядывать за лабораторией по мере возможности, но все равно основная часть обязанностей по контролю легла на офис-менеджера Шейлу.

Мы созвонились во время полета, и она рассказала мне о текущей ситуации. Сейчас мы в самом разгаре работы над проектом, который, как мы надеемся, позволит определить, где человек – ну, террорист – побывал за последние несколько дней, проанализировав штаммы бактерий из его кишечника.

И единственное, что меня во всем этом беспокоит, – наш покровитель. Генерал Фигероа – человек с благими намерениями, но уж очень упорный, и со всем своим упорством он пытается заставить меня придумать технологию поиска «гена террориста». И хотя я нашел по крайней мере одну общую черту в исследованных геномах, это столь же значимый факт, что и наличие сходных генов у профессиональных футболистов. У огромного количества людей тоже есть эти гены, но они не играют в футбол... и не надевают пояс шахида.

В страшных снах мне видится, как разработанную технологию применяют, чтобы арестовывать случайных выходцев с Ближнего Востока на том лишь основании, что у них «подозрительный» генетический профиль.

– Скажи генералу, что мы еще не закончили технико-экономическое обоснование.

– На самом деле Тодд держит это на контроле.

Мысль о том, что такая важная тема была на контроле у моего заместителя, заставила меня занервничать. Конечно, Тодд Поуг был в курсе моей позиции по этому вопросу – не хватало еще, чтобы в моей же лаборатории родилась очередная безумная схема убийства на основе научных методов. Наука должна спасать жизни, а не отнимать.

Однажды на собрании я высмеял научную статью, в которой предлагалось устанавливать ДНК-сканеры на ударные беспилотники, чтобы определять личности уничтоженных террористов.

«А если выяснится, что на куски разнесли ни в чем не повинных людей, эти умники, наверное, предложат использовать эти ДНК, чтобы воскресить убитых, да?»

Среди собравшихся послышались нервные смешки. Когда же я просмотрел список имен под статьей, то обнаружил там доктора Т. Поуга – моего зама.

Кроме того, Шейла сообщила, что со мной снова пытались связаться из ФБР. Впрочем, новостью это можно было назвать с трудом. Запросы на встречи поступали регулярно, но серьезное внимание на них я обращал, только когда появлялись слова «судебное требование».

– Эй, путешественник! – слышу я знакомый голос, когда вхожу в ресторан «Экко», расположенный в терминале. Я сажусь за столик, где уже сидит Джиллиан, – женщина, которая не только терпит мое присутствие рядом, но и спасла мне жизнь, буквально.

Мы договорились о встрече здесь, как только я вышел из посольства в Москве. Она планировала поездку к родителям погибшего мужа в Монтане, когда меня внезапно вызвали и пришлось уезжать прямо среди ночи. Джиллиан уже привыкла к таким резким сменам планов и мы, как можем, пытаемся жить с этим. В основном я, конечно, работаю в лаборатории в Остине, но и там часто приходится пропадать сутками. Чтобы хоть как-то уменьшить нагрузку, я нанял Тодда Поуга своим заместителем, или скорее мне навязали его из Пентагона. Он оказался формалистом, и последнее время мне кажется, что я провожу больше времени в разрешении кон-

фликов между Тоддом и другими сотрудниками, чем в реальных исследованиях. А ведь по идее именно я самый конфликтный человек в этой компании.

Я беру ее бокал и делаю глоток. Джиллиан накрывает мою руку своей, когда я ставлю бокал обратно на стол. Вот такие моменты позволяют мне сохранять почву под ногами. Джиллиан понимает больше, чем когда-либо смогу понять я сам. Она успела повоевать, потерять мужа и смогла выжить в той жуткой истории, в который мы оказались, когда один из самых жестоких и изощренных серийных убийц пытался убить ее, чтобы заманить меня в ловушку. Когда на вечеринках другие пары начинают делиться скучными историями, как они провели отпуск, Джиллиан обожает говорить: «А помнишь, Тео, как мы чуть не погибли в той истории с Гризли-Убийцей?»¹

У нас похожее мрачноватое чувство юмора. При этом она научилась нормально взаимодействовать со мной, когда я в режиме, который Джиллиан называет «РобоТео», а мой мозг на сто процентов занят анализом задачи и не обращает внимания на то, что происходит вокруг. Говорят, что, когда мы с ней вместе, меня даже можно принять за приятного в общении человека.

– Ну что, все получилось? – спрашивает она.

– Ответ утвердительный, – Джиллиан знает, что это все, что я могу сказать. – Как ты?

– Да ничего. В «Корочке» дела идут неплохо. Наняли несколько студентов на подработку, и, пожалуй, скоро придется брать еще одного пекаря, – она достает из сумки картонную коробочку. – Вот, попробуй... Но имей в виду, если я услышу слово «диета», то тебя зарежу прямо вот этим тупым ножом для масла.

«Корочка» – так она назвала свою собственную пекарню. Я не думал, что получится хотя бы окупить затраты, однако уже сейчас заведение приносит небольшую, но стабильную прибыль. Иногда я представляю, как хорошо было бы бросить лабораторию и работать в пекарне дегустатором.

В коробочке лежит темный кекс. Сверху он от души полит красновато-коричневой глазурью. Я откусываю кусок и расплываюсь в улыбке.

– Корица, шоколад и чуточку мятного масла?

– Ага, а шоколад мексиканский, – отвечает Джиллиан.

– Будет новый хит.

– Я регулярно поставляла их в лабораторию, пока тебя не было.

– Какая молодец! Так сотрудники будут ненавидеть меня чуть меньше.

– Настолько плохо они к тебе не относятся. Ну, разве что Тодд. Шейла так и вовсе в тебя влюблена. И ей бы с этим поаккуратнее.

Шейла, хотя ей уже к пятидесяти, выглядит куда моложе и в отличной форме. Половина мужчин в лаборатории сохнут по ней. А Тодд, наверное, сильнее всех. И Джиллиан своими визитами в лабораторию, подозреваю, не только хотела поддержать дружеские отношения с помощью хорошей выпечки, но и напомнить, что у начальника все еще официально есть девушка, и она бывший военный и гроза серийных убийц.

Официантка принимает наш заказ. Я зеваю и стараюсь не думать, когда последний раз нормально спал. В Москву я летел на самолете Государственного департамента и всю дорогу пытался составить план, как вывести шпиона на чистую воду. В посольстве рассчитывали на секретные научные разработки, но максимум, что я смог предложить, – тест на йод и анализ ушной серы. На самом деле по анализу серы из ушей человека можно определить, посещал ли он в течение последнего времени тот или иной город. Мы выяснили, что состав воздуха непосредственно отражается на ушной сере. Особенно хорошо этот метод работает в Китае. Так что в следующий раз, когда в поездке заселяетесь в отель и видите в ванной гигиенический набор

¹ История про Гризли-Убийцу рассказана в первой книге серии. Э. Мэйн. Охотник. М., Изд-во АСТ, 2019.

с ватными палочками, имейте в виду, его могли подложить местные спецслужбы. И хотя этот метод не такой действенный, как некоторые другие, ватный тест, как мы его зовем, совершенно точно может показать, что вы врете, говоря, что были в Шанхае, потому что ватная палочка утверждает – Пекин. Так что это весьма полезный фокус. А моя жизнь последнее время состоит больше из придумывания вот таких фокусов, а не из прорывных научных исследований.

– Мне кажется, или вон тот тип за тобой следит? – спрашивает Джиллиан, прожевав кусочек лосося.

– Ага, – отвечаю я, рассмотрев аккуратно одетого молодого человека за стойкой.

– Похоже, он пытается набраться смелости, чтобы подойти.

Несмотря на все мои попытки оставаться незаметным, после поимки Гризли-Убийцы за мной прочно закрепилась определенная репутация. И хотя интервью на эту тему я не даю, с представителями правоохранительных органов время от времени общаться приходится, да и по телевизору меня нет-нет да и покажут в очередной передаче про убийства.

Джиллиан рассматривает незнакомца с нескрываемым подозрением. Так она защищает меня от непрошенных гостей. Когда ты известный в узких кругах охотник за серийными убийцами, среди твоих фанатов могут быть самые разные личности.

– Этот не опасен, – говорю я, даже не глядя в сторону молодого человека.

– Почему ты так думаешь?

– Наверняка федерал. Из местных. Может, даже уже общались.

Джиллиан размышляет, что это значит – из местных. А это значит – последний маньяк, последнее дело.

– Доктор Крей, – решается тем временем молодой человек.

– Ну, вот, началось, – говорю я Джиллиан и машу ему, чтобы он присоединялся.

Он подсаживается за наш столик.

– Я Шон Николсон. Специальный агент Шон Николсон. ФБР, Атланта. Зовите меня просто Шон.

– Шон, это Джиллиан.

– Мэм. Рад познакомиться. Я в курсе, какую роль вы сыграли в деле Джо Вика. Очень храбро!

На самом деле я надеюсь, что он не в курсе о роли Джиллиан в этом деле, что это именно она, а не я прикончила Джо Вика. Я взял всю ответственность на себя, потому что в полиции у Вика осталась масса знакомых и друзей, и неясно, чем это могло кончиться для Джиллиан и ее семьи, оставшейся в Монтане.

– Чем можем помочь? – спрашивает Джиллиан слегка резковато.

– Мне жаль мешать вашей встрече, доктор Крей, но я услышал, что вы прилетаете, и надеялся поймать вас.

– Тео, зовите меня просто Тео. Поймать? Я надеюсь, это не входит в ваши должностные обязанности?

– О, нет, сэр. Просто пара вопросов по одному делу.

Мы с Джиллиан переглядываемся. Этого мы и боялись. Меня все время просят о консультациях по разным делам. Когда какое-нибудь дело не получается раскрыть старыми добрыми полицейскими методами, они приходят ко мне и ждут, что я применю свои научные штучки и сразу все решу. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы найти Джо Вика. Проблема была в правоохранительных органах, где никому не было дела до пропавших.

Я пожимаю плечами.

– В раскрытии настоящих дел от меня обычно толку мало. Я просто ученый. Уверен, вы сделали все, что было необходимо. А если вам нужна экспертиза, могу порекомендовать группу научных криминалистов из Бозмана. Они в курсе моих методов, а многое развили и улучшили. Я к ним отправляю все новые дела.

– Это не новое дело, доктор Крей. Речь об убийствах Тоймена.²

Рука Джиллиан сжимает мою под столом.

– Тоймена? – снова пожимаю я плечами. – Ойо мертв, показания на эту тему я уже давал.

Причем давал их очень аккуратно, ведь это я сам прикончил Ойо.

– Да, я знаю, но речь о новых убийствах.

² История про Тоймена (Ойо Диалло) рассказана во второй книге серии. Э. Мейн. Увеличительное стекло. М., Изд-во АСТ, 2020.

Глава 3

Происшествие

– Они нашли новые захоронения? – спрашиваю я. Я более чем уверен, что, кроме Лос-Анджелеса и Атланты, у него были еще логова в штатах на северо-западе страны.

– Нет, – отвечает Николсон. – Я о том, что произошло здесь, в Атланте. Вы что, новости не смотрите?

– Нет, последние дни как-то немного выпал из жизни. Вы хотите сказать, что были новые убийства? Уже после смерти Ойо?

– Да, но не поймите меня неправильно, мы не считаем, что это он, – Николсон издает нервный смешок. – Это было бы уже слишком. Но они произошли на том участке за городом, который вы нашли.

– Заброшенный сад у церковного лагеря?

Николсон кивает.

– Он самый. Там работала команда криминалистов после того, как мы нашли еще один слой останков.

– Снова дети, – вздыхает Джиллиан.

Ей так же тяжело от всей этой истории, как мне. Особенно после того, как я поделился с ней воспоминаниями, от которых не сплю по ночам.

– Так речь о более старых убийствах?

Николсон отрицательно качает головой.

– Два криминалиста убиты, один пропал без вести.

– Убиты? Как?

– Один зарезан, у другого на голове многочисленные следы от ударов тяжелым тупым предметом.

Кажется, Николсон говорит предельно искренне и по-настоящему переживает из-за этого происшествия. Он явно знал погибших, может быть, не лично, но по крайней мере имена были ему знакомы. Это всегда особенно тяжело.

– А третий?

– Дэниел Маркус. Мы боимся, что его могли похитить. Среди следов, обнаруженных на месте преступления, есть его кровь.

– Похитили? – переспрашиваю я, намекая, что в подавляющем большинстве подобных случаев пропавший и есть убийца. Я не уверен до конца, что сейчас происходит – агент Николсон сознательно умалчивает о чем-то или просто не может смириться с мыслью, что третий криминалист – наиболее вероятный подозреваемый.

– На данный момент это основная версия. Маркус никогда не проявлял агрессии, да и в досье у него ни одного «красного флажка», если вы об этом. Самый настоящий «хороший парень».

– Это все очень трагично, но почему вы решили связаться со мной? Ваши криминалисты и сами более чем способны разобраться в этом деле.

Он беспокойно оглядывается и останавливает взгляд на Джиллиан.

– А мы не могли бы поговорить не здесь? Например, в офисе ФБР?

– У меня самолет через сорок минут. И я хотел бы провести их со своей девушкой, которая улетает на неделю. Если вам нужно что-то мне сказать, то здесь и сейчас самое время.

– Хорошо, но, пожалуйста, строго между нами. Были и еще происшествия, связанные с сотрудниками, работавшими на том месте преступления. Жена одного из сотрудников в коме после жесточайшего избиения, и мы даже не знаем, кого подозревать.

- И вы думаете, что эти случаи связаны?
- Все они работали на месте убийств Тоймена, когда нашли слой старых останков. А после этого начали появляться странные штуки.
- Странные штуки?
- Глиняные фигурки, кости животных, другие предметы, которые принято ассоциировать с черной магией.
- Ойо практиковал магические ритуалы, так что ничего странного. Там должно быть полно артефактов.
- Да, но некоторые из них были оставлены на месте преступления совсем недавно.
- Тоже ничего необычного. Места известных преступлений привлекают массу странных личностей.
- Вы правы, но сотрудники ФБР обычно не начинают погибать при странных обстоятельствах один за другим, как разорители египетских пирамид.
- Это легенда. На самом деле все, кто вскрывал, исследовал или грабил пирамиды и гробницы, жили примерно столько же, сколько их современники. – Я чувствую, как Джиллиан сжимает под столом мою руку. – Но я, кажется, понял, о чем вы. Люди напуганы.
- Именно. И я вот сейчас не уверен, что атмосфера в агентстве располагает к объективному подходу и холодному анализу. К нам уже присылали агентов из Вашингтона, и ничего хорошего из этого не вышло.
- А от меня-то вы чего хотите?
- Чтобы вы сказали, что обо всем этом думаете. Может, вы заметите что-то, неизвестное нам. Сейчас мы пытаемся найти Маркуса. На данный момент – это важнейшая задача. Если он еще жив...

Николсон явно хорошо владеет своими эмоциями, и в голове у него наверняка намного больше мыслей и чувств, чем он сейчас демонстрирует. Но я не могу понять, что именно он скрывает: что Маркус – подозреваемый, или что на самом деле существует совершенно другая версия развития событий.

Я очень надеялся, что мне не придется вспоминать Тоймена. Слишком уж о многих моментах, связанных с этим делом, не хотелось думать лишний раз. Его жертвами были в основном афроамериканские мальчики с необычными чертами внешности, чаще всего из неблагополучных семей. В результате даже соседи не сразу поняли, что в районе орудует серийный убийца. Он был священником и при этом годами убивал детей в Южном Централ Лос-Анджелеса и Атланте. Более того, он организовал летний лагерь для детей из неблагополучных семей непосредственно рядом с логовом, где убивал.

В ту ночь, что я его нашел, он как раз готовился убить очередного мальчишку. И, несмотря на то, что я его выследил, Ойо сумел ускользнуть и у него почти получилось бежать из страны. Он убил двоих – своего знакомого и его жену, а детей бросил связанными в ванне, чтобы спрятаться в их доме. Я застрелил его, увидев через стеклянную дверь, и рассказал полиции, что он сам в этот момент доставал пистолет.

На самом деле нет. Я не собирался давать ему шанса. Просто застрелил на месте. Что означает, что в некотором смысле я ничем не отличаюсь от Константина Коновалова. Он убил Артемьева ради государства, которое сказало ему, что Артемьев – угроза национальной безопасности. Кто-то, кто плохо меня знает, наверное, предположит, что я убил Ойо в слепой ярости от того, что он натворил. На самом же деле в момент выстрела я был предельно спокоен. Я принял взвешенное решение и нажал на спусковой крючок. Риск, что ему удастся ускользнуть, был слишком велик.

Не знаю, что там произошло в Атланте, но, похоже, я заглотил наживку Николсона. У Ойо и раньше были подельники. Один из них погиб в тюрьме. От мысли о том, что где-то на свободе разгуливает кто-то из его друзей, мечтающих о мести, бросает в холодный пот. Я смотрю

на Джиллиан и вижу, что она думает о том же – если преступник связан с Ойо, то я тоже в опасности. И Николсон явно об этом знает, но молчит. Значит, у него что-то еще на уме, но что именно, мне пока совершенно не ясно. Правильнее всего было бы просто подняться и уйти.

К сожалению, любопытство вечно толкает меня делать вещи неправильные.

– Агент Николсон, вы не могли бы оставить нас с Тео на пару минут одних? – спрашивает Джиллиан.

– Конечно. Вам наверняка нужно это обсудить, – отвечает он и отходит от столика.

Нам не нужно ничего обсуждать, Джиллиан и так прекрасно знает, что творится у меня в голове. Она сжимает в ладонях мою руку и криво улыбается.

– Бедный Тео, никак они не оставят тебя в покое.

– Бедная Джиллиан, угораздило тебя связаться с самым безумным профессором.

– Ну, кто еще с кем связался.

Я уже совсем не тот человек, который начинал искать Джо Вика в лесах Монтаны. Опыт изменил меня, я стал другим. Что действительно вызвало мое беспокойство, когда я изучал ДНК Вика, так это множество общих черт между нами. Мне тоже нужно охотиться.

Глава 4

Грань

Я паркую прокатную машину напротив дома Ойо на окраине Атланты. Он стоит недалеко от церкви, где Ойо служил священником. Когда первобытная часть подсознания понимает, где я, по телу пробегает дрожь.

По периметру участка стоят металлические ограждения. Ворота замотаны полосатой полицейской лентой и обвешаны знаками «Вход воспрещен». Но ни лента, ни знаки не мешают людям приносить цветы и фотографии жертв маньяка. Деревья и разросшиеся кусты, оставшиеся от питомника растений, который был там до того, как Ойо купил участок, в лунном свете как будто окутаны голубоватым мерцанием. Несмотря на то, что и церковный лагерь, и питомник принадлежали Ойо, он предусмотрительно указал разные данные в документах на собственность, чтобы формально они не были связаны.

Состоятельные люди, спонсировавшие покупку, стали его последними жертвами. От мысли, что Ойо купил церковный лагерь потому, что тот был рядом с заросшим садом и сараем, где он мог спокойно творить свои жуткие дела, становится не по себе. Подростки из неблагополучных семей впервые попадали в лагерь и проводили лето в двух шагах от помещения, где монстр насиловал и мучил жертв перед тем, как убить их самыми жуткими способами, которые приходили ему в голову.

Мои мысли возвращались к человеку, которого обыватели теперь знали под именем Тоймен, намного чаще и совершенно иначе, чем к истории с Джо Виком. Вик был как сила стихии. Я убежден, что он был прирожденным убийцей. Он полностью отдавал себе отчет в том, что творит, и шел на невероятные ухищрения, чтобы скрыть свои преступления, но никогда не пытался остановиться. В ту ночь, что мы встретились лицом к лицу, он без колебания убил всю свою семью – они были лишь реквизитом, от которого Вик избавился, как только в нем отпала нужда.

У Ойо тоже было влечение – ему нужно было убивать и поедать этих мальчиков. Но его убийства были как религиозные ритуалы на основе смеси восточноафриканских верований и христианства. Что-то подобное проводили многие шаманы. Так, в отдаленных уголках Африки «ведьминых детей» – девочек и мальчиков альбиносов – изгоняли из племени, а иногда и убивали, чтобы получить магическую силу.

Когда я рассказываю об этом коллегам, они, конечно, ужасаются такому варварству. Тогда я спрашиваю их, как часто они слышат шутки или сами шутят на тему инвалидов или умственно отсталых. Да, конечно, одно дело убить ребенка за генетические отличия и совсем другое – пошутить про инвалида, но и то, и то – акты жестокости и дегуманизации. И хотя в законе четко прописано, что можно делать, а чего нельзя, наше личное чувство дозволенного может придерживаться других норм.

Я убил Ойо. И если бы меня судили, то, возможно, признали бы виновным. Мою совесть это ничуть не отягчает, я знаю, что совершил правильный поступок. Но Ойо был уверен в том же самом. Я думаю, он был уверен в собственной моральной правоте, убивая этих детей. И хотя он явно наслаждался процессом, сами убийства были весьма сходны с традиционными жертвоприношениями, которые вполне одобряются некоторыми культурами. Разве палач не имеет права получать удовольствие от работы?

Мой преподаватель философии как-то сделал мне неоценимый интеллектуальный подарок, наверное, лучший в моей жизни, – набор мыслительных инструментов. И хотя в основе была не его собственная идея, то как он использовал эти инструменты, до сих пор во многом определяло образ моего собственного мышления. Профессор Рикман – или просто Рик, как

мы его звали – советовал представить ящик с инструментами, в котором лежат очки, меняющие наш взгляд на вещи и способ мышления. Каждая пара очков дает нам определенные знания. Так он на практике использовал модель психики человека – чтобы понять, как видят мир другие люди.³

У него были очки, через которые видят мир меньшинства, очки пещерного человека, жителя бронзового века и многих других. И все они помогали понять, что наша точка зрения на мир обусловлена тем, что мы видим, что знаем и наконец тем, как мы думаем о вещах. Моими любимыми были очки пришельца. Их нужно было надеть, если хочешь представить, как что-либо в нашем мире выглядит для существа, только что прибывшего с другой планеты, где млекопитающие никогда не развились в сложных приматов, не было людей, а вся эволюция пошла совсем по другому пути.

Что подумал бы пришелец, сравнив Ойо с врачами и полицейскими, присутствующими на казни серийного убийцы? А с инквизиторами, пытавшими и сжигавшими еретиков? Сумел бы пришелец найти хоть одно различие между Ойо и врачом, проводящим эвтаназию безнадежного больного, чтобы избавить того от страданий? Эту мысль можно было продолжить вопросом абортов, жестокости к животным, и даже использования антибиотиков, чтобы убить миллионы ни в чем не повинных бактерий.

Я не сторонник идеи, что все морально сравнимые вещи тождественны, это нерационально, но, тем не менее, важно помнить, что на любое явление может быть несколько точек зрения. Первые европейцы, высадившиеся в Южной Америке, были шокированы ритуальными убийствами и человеческими жертвоприношениями ацтеков. При этом их не смущали многочисленные ничуть не менее варварские практики, применявшиеся на родине, – поскольку их традиции и обоснование были знакомы и понятны, они воспринимали их по-другому. Мне приходилось бывать в штабах оперативного управления боевыми действиями, где словосочетания типа «сопутствующие потери среди мирного населения» использовались легко и непринужденно. Примерно так могли рассуждать вожди ацтеков и майя, когда планировали свои Цветочные войны и прикидывали, сколько тысяч подданных погибнут в ритуальной схватке.⁴

Когда я начинаю высказывать подобные соображения вслух, то обычно получаю ярлык пацифиста и хиппи. Приходится объяснять, что я вовсе не против точечных ударов и принимаю необходимость лишать жизни преступников, просто мне некомфортно от того, как все опускают глаза, стоит им предложить подумать о моральной стороне вопроса.

Я бросаю взгляд на детский лагерь Ойо, а потом снова на его дом. Две совершенно разные жизни, служившие одной цели. Ойо глубоко верил, что его деяния – часть религиозного ритуала. Джо Вик просто хотел убивать. Оба были злодеями, лишавшими других людей жизни, но только у поступков Ойо были своеобразные обоснования. И насколько эти обоснования отличались от тех, что были у моих скандинавских предков, сжигавших на погребальном костре вполне живых жен погибшего вождя? Племена на родине Ойо в Африке могли похвастаться ничуть не меньшим набором жестоких ритуалов и странных суеверий. Когда-то давно и в моем роду мог быть свой Ойо, но ему не нужно было прятаться – он делал то, что было нормально для окружающих.

Именно это меня и пугало. У Джо Вика могли быть генетически обусловленные проблемы с контролем поведения, да и враждебная среда, в которой он вырос, могла сыграть роль.

³ Модель психики человека – система репрезентаций психических феноменов, интенсивно развивающаяся в детском возрасте. Обладать моделью психического состояния – означает быть способным воспринимать как свои собственные переживания (убеждение, намерение, знание и пр.), так и переживания других людей, – что позволяет объяснять и прогнозировать их поведение.

⁴ Цветочные войны – ритуальные войны, которые велись городами-государствами Мезоамерики (в частности, ацтекскими и майяскими городами-государствами), в том числе и с собственными вассалами, ради захвата пленников, которых приносили в жертву богам.

А вот Ойо – хотя и у него в генетическом коде могли иметься отклонения от нормы – всегда придерживался убеждений, что творит угодное высшим силам дело. Джо Вик убивал и закапывал жертвы, как хищник добычу. Ойо религиозно осмысливал каждый этап своей кровавой «карьеры» и при этом убивал десятилетиями, оставаясь непойманным. Ойо был умен и обаятелен. И при этом абсолютно сумасшедшим. Любое из его убеждений, что убийство или поедание жертвы дает магические способности, можно было научно проверить и опровергнуть. Но это ему и в голову не приходило. Такая проверка противоречила бы его религиозным убеждениям.

Джо Вик отдавал себе отчет, что он монстр, и просто прикидывался обычным человеком, насколько мог. Ойо же считал себя абсолютно нормальным, просто другие не понимали и не разделяли его веры. Он не считал себя монстром. Как не считали себя монстрами вожди ацтеков, инквизиторы, врачи Третьего рейха, для которых геноцид стал логичным и приемлемым следствием борьбы с распространением туберкулеза.

Это было страшнее всего – понимать, что рискуешь стать монстром, совершенно не осознавая этого. Как можно, придя в себя посреди лужи крови над телом убитого ребенка со следами собственных зубов и вкусом крови во рту, оглядеться и сказать самому себе: «Да ничего, все в порядке, это нормально»? У Ойо вот получилось. И, возможно, каждый раз, когда я повторяю про себя, что не испытываю никаких угрызений совести после хладнокровного и осознанного убийства Ойо, я становлюсь на шаг ближе к нему.

Я вздрагиваю, осознав, что за мной кто-то наблюдает. Темная фигура приближается к машине и стучит в стекло. Зря я не захватил пистолет. Но потом я узнаю Николсона. Сколько он за мной следит?

Глава 5

Врата

Открывая ворота перед домом Ойо, Николсон задает вопрос, который заставляет меня беспокоиться. И дело даже не столько в самом вопросе, сколько в ситуации – будто бы Николсон прочел мои мысли.

– Вы верите в существование зла?

– В каком смысле – моральном или сверхъестественном? В первом случае ответ – да, а во втором ничего не могу сказать, я такими категориями не оперирую.

Николсон указывает на застывшую лужицу черного воска около входа. Кроме того, на земле вокруг забора я замечаю тонкую белую линию какого-то порошка, возможно соли.

– А как насчет вот этого?

Я наклоняюсь взглянуть поближе. Черные свечи обычно используют для ритуалов темной магии, а вот соль служит для защиты от злых духов.

– Полагаю, некоторые относятся ко всему этому вполне серьезно.

– И что вы по этому поводу чувствуете? – раздается скрипучий голос.

Я оглядываюсь на стоящего позади меня мужчину. На вид ему лет пятьдесят, одет в хорошо сшитый темный костюм, в руках сигара.

– Доктор Крей, это Джо Галлард. Приехал из Вашингтона помочь нам.

– Я только наблюдаю, – говорит Галлард.

Ага, примерно как наши войска во Вьетнаме.

– И чем именно вы занимаетесь в бюро? – спрашиваю я.

– Время от времени помогаю с особо запутанными делами. Но в основном преподаю.

Он тушит сигару рядом с импровизированным алтарем. Николсон распахивает ворота.

– Сюда, джентльмены.

– И что же вы преподаете? – спрашиваю я, входя в старый питомник.

– В основном вопросы регламента и процедуры.

Ладно, скрытный засранец отвечает намеренно расплывчато. Можно его проигнорировать или принять вызов. Старый Я полез бы на рожон. Новый Я предпочитает использовать возможность понаблюдать. Я решаю не развивать тему.

Николсон ведет нас вокруг дома на задний двор. Все деревья выкорчеваны, а проходы между ямами выложены досками. Сейчас питомник похож на археологический раскоп древнего капища, где приносили человеческие жертвы, чем он, собственно, и являлся. Только вот использовали его совсем недавно.

– Когда я тут был в прошлый раз, везде росли кусты и деревья, – рассказываю я своим спутникам. – Заблудился даже, когда Ойо погнался за мной. Все кругом казалось намного больше.

– Останки были в земле, так же как в Лос-Анджелесе, – отвечает Николсон. – А когда начали копать, обнаружили еще более ранний слой. Учитывая, что творил Ойо, части тел были повсюду. – Он указывает на проволочное сито – криминалистам пришлось буквально просеивать каждую горсть земли.

Все фонари выключены, и мы рассматриваем двор лишь в свете луны. Несмотря на отсутствие деревьев, он ярко напоминает мне про ту ночь, когда я очутился здесь. А кинув взгляд в глубь двора, я не могу удержаться от непроизвольного вдоха – там стоит приземистый сарай, где Ойо убивал своих жертв.

– С вами все хорошо, доктор Крей? – спрашивает Галлард.

– Я в порядке, и можно просто – Тео, – я киваю на сарай. – Это место мне до сих пор снится в кошмарах.

– Могу представить. После всего, что вам довелось там увидеть!

– Аккуратнее, смотрите под ноги. – Николсон достает небольшой фонарик.

Мы проходим по дощатому настилу в центре раскопок. Помосты и лестницы в ямах под навесами выглядят так, будто их бросили в спешке. Скорее всего так и было. Дальний конец двора отгорожен полицейской лентой. Похоже, это и есть место преступления внутри другого места преступления. Николсон поднимает фонарь, чтобы было виднее, и подтверждает мою догадку:

– Вот здесь все произошло.

В этот момент я понимаю, что мы думаем о разных преступлениях. Ойо собирался убить очередного ребенка, когда я сорвал его планы, но Николсон говорит об убийстве криминалистов из ФБР. Я киваю.

– Новака нашли в яме вот тут, а Ши наверху, – продолжает Николсон.

– А где работал Маркус? – спрашиваю я.

– В той же яме. Они нашли фалангу пальца и искали остальные кости. В тот вечер их здесь было только трое. И дежурная полицейская машина снаружи.

– Кто последний их видел?

– Днем сюда заезжал инспектор, а дальше, не считая звонков и сообщений семьям, они общались только между собой, и до прихода следующей смены утром их никто не видел. К этому моменту Новак и Ши были мертвы уже несколько часов, – Николсон делает длинную паузу. – Ши истекла кровью, скорее всего, она умирала очень долго.

– А между ними и пропавшим криминалистом никакой вражды или чего-то в этом роде не было?

– В смысле, не Маркус ли убийца? – напрямик спрашивает Николсон. – Неизвестно. Именно поэтому мы его так усердно и ищем. Просто... – Он оглядывается на Галларда в нерешительности.

– Просто что? – подталкиваю я его.

– Ну, эта вся оккультная хрень.

– Свечи? Соль?

– Да, само это место. Я тут как-то оставался в ночную смену, и всегда мне было не по себе. Что-то с этим местом не так... – Николсон смотрит в землю. – Местные начали рассказывать о каком-то незнакомце в черном, который бродит на месте преступления. Некоторые... Некоторые говорят, что это Тоймен. Особенно после того, что случилось с телом.

– Что? – сердце дает сбой. – Что случилось с телом?

Николсон снова смотрит на Галларда, тот кивает, разрешая продолжать.

– Оно исчезло. В смысле, его пару дней не могли найти в морге. А потом оно обнаружилось. Оказалось, что проблема была чисто бюрократическая, путаница из-за его второго имени. В любом случае мы о произошедшем никуда не сообщали... – Он запинается.

– Дайте угадаю: именно в это время случились убийства?

– Именно, – отвечает Галлард. – Обычно тело кремируют через некоторое время после смерти, если не находятся родственники. Тело Ойо хранили, поскольку считалось, что на родине у него мог кто-то остаться.

– Ну, в одном я вас могу уверить – Ойо ваших криминалистов не убивал. Когда я его видел в последний раз, он сам был весьма мертв.

– Вы имеете в виду, когда убили его, – замечает Галлард.

– Да, – отвечаю я, но не пускаюсь в свой стандартный рассказ о том, что Ойо пытался убить меня первым.

– Это, прямо скажем, большое достижение – убить двоих самых успешных маньяков в истории. – В словах Галларда нет похвалы, только подозрение.

– Ну, будь правоохранительные органы порасторопнее, все могло быть иначе. Но вот так устроена жизнь.

– Два серийных убийцы, – не унимается Галлард. – Вы же ученый, скажите, какова вероятность такого стечения обстоятельств?

Мне уже задавали подобные вопросы.

– Стечения обстоятельств? Это не было случайностью, я искал и одного, и второго. Первого, потому что тот убил мою бывшую студентку, а второго, потому что ко мне обратился отец одной из жертв.

– Я работаю в Бюро много лет, и никто не может похвастаться успехами, подобными вашим.

– Возможно, у меня просто более эффективные методы. Как психолог-криминалист вы должны знать, что всегда можно собрать больше данных и найти лучшие инструменты.

Повисает тишина, которую нарушают только лягушки и сверчки. По выражению лица Николсона я понимаю, что последней фразы он не ожидал.

– Все так, Тео, все так. Может, будь у меня собственная команда, мы бы смогли сделать намного больше, но у нас сплошная бюрократия и крючкотворство, сквозь которые приходится продирается.

– Тогда давайте уже к делу. Как и зачем я оказался посреди места преступления с психологом-криминалистом из ФБР и агентом, которого явно связывает что-то личное с убитыми криминалистами?

– Это я устроил, – признается Николсон. – Как вы думаете, у Ойо мог быть сообщник?

– Еще один? Мог, но вы бы его нашли раньше меня. И уверен, уже искали.

– Искали, – кивает Николсон. – Но все равно что-то не сходится.

– Вы о пропавшем теле и оккультном хламе кругом? Не готов поручиться, но, кажется, бритва Оккама может помочь с довольно простым ответом.

– И с каким же? – спрашивает Галлард.

– Маркус. Их убил пропавший третий криминалист. Я только не понимаю, почему вы так противитесь этой версии.

– Вы не знаете Маркуса.

– Не знаю. И в этом мое преимущество. Если вы не скрыли от меня чего-то важного.

– Скрыли, – отвечает Галлард. – Но прямо сейчас рассказать, к сожалению, не можем. Поехали в офис, обсудим это дело в несколько более комфортной обстановке.

Глава 6

Мазок

В небольшой переговорной Николсон ставит передо мной на стол бутылку воды и садится напротив, пока Галлард стучит по клавишам ноутбука. Мы сидим в местном офисе ФБР, в котором, несмотря на поздний час, весьмалюдно.

– Итак, вы думаете, что это сделал Маркус? – спрашивает Николсон.

– Понятия не имею, – отвечаю я. – Я даже не знаю, существует ли этот Маркус. Я знаю только то, что вы сами мне рассказали, и моя версия – это лишь экстраполяция предыдущих случаев из моего жизненного опыта. Иными словами – предвзвудок.

– Хотите посмотреть материалы дела? – предлагает Галлард.

– Конечно. Но уверен, что вы их изучили тщательнее, чем я когда-либо смогу.

Галлард двигает в мою сторону тонкую папку, и я вспоминаю, как примерно таким же движением детектив Гленн в Монтане предлагал мне посмотреть фотографии с места жестокого убийства, чтобы оценить мою реакцию. Я прибег к тому же приему в Москве. Несмотря на то что сначала Гленн меня раздражал, постепенно это чувство перешло в уважение. А когда Вик сорвался с катушек и принялся убивать налево и направо, Гленн отдал свою жизнь, чтобы спасти мою.

В папке фотографии тел с места убийства криминалистов и диаграммы. Основные материалы – это результаты генетического анализа крови жертв. Не полный геном, конечно, только уникальные нуклеотидные маркеры, отличающие одного человека от другого. Я просматриваю длинные строчки последовательностей АТГС.⁵

– Вы понимаете, что там написано?

– Не все, чуть-чуть, – я указываю на цифры рядом с каждой строкой. – По этому числу можно определить, где именно в геноме расположена последовательность. Иначе это был бы случайный набор нулей и единиц.

– Вам приходилось работать с командой? – спрашивает Галлард.

– Да, у меня есть люди в Остине.

– Ага, и на чем ваша компания специализируется?

– В основном консалтинг. Мы разрабатываем регламенты лабораторных работ для других организаций, – выдаю я официальную легенду.

– Ага. Не нашел ничего о вас в «Гугле». У вас гриф секретности или что-то в этом роде?

– Ну, у нас узкий круг клиентов и реклама ни к чему, если вы об этом.

– А откуда средства?

– От тех самых клиентов, о которых я говорил.

– Ну, Тео, вы не назвали ни одной конкретной организации. Только вернулись из России?

И что вы там делали?

– Консультировал.

Интересно, как бы он отреагировал, скажи я, что пытался вычислить русского шпиона среди сотрудников нашего посольства в Москве. Звучит, конечно, намного интереснее, чем было на самом деле.

– Кого?

– Клиента.

– А в страну вы въезжали по рабочей визе?

⁵ Четыре нуклеотида ДНК: аденин (А), тимин (Т), гуанин (G), цитозин (С).

Он не отступает. Думаю, он просто не представляет реальной картины. Конечно, я могу рассказать ему больше о себе и своей поездке, но мне кажется, это вне его юрисдикции. Поэтому я решаю свернуть этот допрос.

– Мне не нужна была виза.

– Ввиду специфики вашей работы?

– Ввиду того, что я прибыл по дипломатической линии спецрейсом Государственного департамента.

На секунду Галлард застывает с открытым ртом. Наверняка он подозревал, что я ездил продавать секреты русским биотехнологам, защищенные смартфоны для мафии или еще что-нибудь столь же незаконное. Теперь же до него начинает доходить, что на самолетах Госдепа проворачивать темные делишки не летают.

– Значит, вы много путешествуете, – наконец говорит он.

– Бывает. К сожалению, о большей части своей работы я не могу рассказывать.

– Ладно, кажется, я начинаю понимать, – кивает Галлард. – А во время охоты на серийных убийц вам приходилось работать с кем-нибудь вместе?

– Я не считаю это работой. И да, мне помогали.

– Ну, относитесь вы к этому точно как к работе. Это был какой-то конкретный человек?

– В каком смысле?

– Ну, был ли у вас партнер? Например, ваша девушка.

– Джиллиан помогла, когда я искал Джо Вика, но с Ойо я разобрался самостоятельно. Отец одной из жертв оказал некоторую поддержку. Собственно именно он и обратился ко мне с этим делом.

– Как вы думаете, этот отец мог посещать Атланту после того, как Ойо был убит? – присоединяется к разговору Николсон.

– Просили ли Вильяма дать показания в местной полиции? Не знаю.

– Николсон хочет понять, мог ли Вильям посещать место преступления?

– Понятия не имею, но это было бы странно.

Раздается стук, и в дверь входит миниатюрная женщина в лабораторном халате. Перед собой она толкает металлическую тележку.

– Прошу прощения, джентльмены. Вы приехали из дома Ойо?

– А что? – спрашивает Галлард.

– Мы берем образцы у всех, кто там был, чтобы избежать путаницы в данных.

– Это еще что за новые процедуры? – ворчит Галлард. – Ладно, что вам нужно?

– Несколько мазков и отпечатки. Прошу прощения за беспокойство.

– Давайте уже, – закатывает глаза Галлард.

Лаборант натягивает голубые одноразовые перчатки и берет образцы из-под ногтей, затем мазок с внутренней стороны щеки, и цифровым сканером снимает отпечатки пальцев.

– Моя очередь, – говорит Николсон.

Она достает новые пробирки и начинает брать образцы у агента.

– Я пока в туалет, – говорю я, встаю и направляюсь в мужской туалет в конце коридора.

Когда я возвращаюсь, женщина убирает пробирки с образцами.

Галлард искоса смотрит на меня и замечает:

– Вы же знаете, что это не тест на наркотики. Смывать траву в туалет было не обязательно.

– Что же вы раньше не сказали?! – отвечаю я с сарказмом, садясь на свое место.

Лаборант снимает и выкидывает перчатки, надевает новую пару. Берет образцы у меня из-под ногтей и снимает отпечатки пальцев. Когда она достает ватную палочку для мазка, я прошу отдать ее мне и сам провожу по внутренней поверхности щеки. Лаборант убирает третий набор пробирок, собирает принадлежности и выходит, увозя с собой тележку. Галлард продолжает разговор, как ни в чем не бывало.

– Итак, вы считаете, что Вильям не появлялся на месте преступления?

– Нет, но я уже ничему не удивлюсь в плане людского поведения.

В голове в это время я взвешиваю за и против идеи рассказать им, что вижу насквозь тот фарс, который только что был передо мной разыгран. Но потом еще один кусочек головоломки со щелчком встает на место, и я чувствую, как по спине начинают бежать мурашки. Я поворачиваюсь к Галларду.

– Ну, и как дела с психологическим профилем?

– С каким?

– С моим. Вы же именно ради этого меня сюда притащили.

Николсон непонимаем. Галлард усмехается.

– Не обижайтесь, Тео, но я не пытаюсь построить ваш психопрофиль. Вы не подозреваемый.

– Тогда скажите вашей «лаборантке», что перчатки меняют после каждого человека. Она же потрудились их сменить, только взяв анализы у вас и Николсона. Такие, как я, обращают внимание на подобные моменты.

Галлард начинает было говорить, но я толкаю по столу папку обратно к нему.

– А это хрень собачья, а не материалы дела.

– Это все, что у нас есть, – говорит Николсон обиженно.

Я открываю страницу с расшифровкой генома, на которой сверху ручкой написано: «Маркус».

– Ну, тогда вам стоит разобраться, как так случилось, что у американца ирландского происхождения оказались все те же восточноафриканские гаплоидные группы, что и у Ойо. Такое впечатление, что вы просто надергали кусков из его досье и записали их в эту папку, чтобы она была потолще.⁶

Повисает неловкая пауза, во время которой Николсон переглядывается с Галлардом. Судя по всему, именно так все и было. И, похоже, Николсон с самого начала был не в восторге от идеи, но Галлард настоял на ее воплощении.

– Мне кажется, с вашей шпионской работой вы стали слегка параноиком, – наконец произносит Галлард.

– Нет, я просто стал быстрее раздражаться, когда меня держат за идиота, – я встаю и направляюсь к двери. Взявшись за ручку, я останавливаюсь и добавляю: – И если вы считаете, что я во всем этом замешан – удачи.

– Наверняка Госдеп обеспечит вам алиби, – говорит Галлард.

– Вообще-то я про образцы, которые взяла ваша «лаборантка». Скажите, что ей придется использовать базу данных обширнее обычной.

– В смысле? – спрашивает Николсон.

Вместо ответа я закрываю дверь и оставляю их гадать, что имел в виду. Да, это мелко со стороны, но ровно с того момента, как «лаборантка» вошла в комнату, а Галлард начал изображать раздражения и недоумение, стало понятно, что все это шоу. Самое грустное, что они могли просто меня попросить.

⁶ Гаплоидные группы (гаплогруппы) – крупные группы схожих типов Y-хромосом, позволяющие понять происхождение человеческих популяций. Любой современный этнос состоит из представителей нескольких гаплогрупп.

Глава 7

Фантомы

– Доктор Крей! – кричит пытающийся догнать меня Николсон, когда я уже готов сесть в машину. Я все еще зол, что меня таскают туда-сюда непонятно зачем, но при этом испытываю некоторое сочувствие к агенту, который явно выкладывается по полной ради этого дела и до некоторой степени стал жертвой дурных советов Галларда.

– Что такое, Шон? – спрашиваю я, замерев с ключом от машины в руке.

– Простите, пожалуйста. Мне правда очень неудобно. Мы уже все головы себе сломали с этой историей. Вот Галларда прислали. Я упомянул вас... В общем, не вините его, это все из-за меня. Просто... Тут такое творится.

– Звучит не очень убедительно. – Я отпираю машину.

– Я могу показать вам материалы дела.

– Меня ждет куча своих материалов.

– Хорошо, тогда могу рассказать, почему Галлард так вами заинтересовался.

– Продолжайте.

Николсон оглядывается через плечо, словно опасается, что кто-то услышит.

– Есть одно дело, которое он ведет. Даже не дело, так, подозрение.

– Он подозревает меня?

– Нет, по крайней мере не напрямую. Он хотел встретиться, потому что ему было любопытно взглянуть на вас, но я сам действительно хотел, чтобы вы попытались разобраться в том, что тут произошло. Ну, и одно за другим...

– А кончилось тем, что вы приняли неуклюже врать мне, чтобы получить образец моей ДНК, который я бы с радостью позволил вам взять, и не пришлось бы подсовывать вам фальшивку.

– Фальшивку?

– Мазок изо рта. У меня в собой всегда несколько ватных палочек с образцами слюны шимпанзе.

На мгновение Николсон теряет дар речи и просто смотрит на меня.

– Еще раз, простите, пожалуйста. С этим делом куча странностей. Галлард приехал разобраться, не связаны ли они с его делом.

– И что же это за «его дело»? – спрашиваю я.

– Галлард называет его «Фантом».

– Не слишком оригинальное название для серийного убийцы, – замечаю я.

– Это не серийный убийца, по крайней мере насколько мне известно. В двух словах описать. В общем, криминалисты из лаборатории в Куантико заметили неко⁷ торые странности в нескольких делах. В том числе в закрытых, где доказательная база была – не подкопа-ешься, – объясняет Николсон.

– Хорошо, заинтересовали. Слушаю внимательно – какие странности?

– Мелкие детали. Например, волосок с одного места преступления, который внезапно появляется в двух других делах. Или след с характерным отпечатком. Волосок А и отпечаток Б могут обнаружиться на одном месте, а потом отпечаток Б и другой волосок, скажем, В – на следующем. А потом в третьем деле возникает волосок В и след с места преступления А. Понимаете?

⁷ Куантико – крупнейшая база морской пехоты США в одноименном городе (штат Виргиния), где расположены, среди прочего, Академия ФБР и Лаборатория ФБР.

– Будто кто-то взял три разных пазла и раскидал детали по местам преступления?

– Именно. Конечно, на каждом месте преступления криминалисты собирают множество отпечатков и волосков, совершенно не относящихся к делу. Систематическое сходство заметили случайно. Испытывали программу на основе искусственного интеллекта для определения связей, и внезапно она дала несколько положительных срабатываний на закрытых делах.

– И теперь дела открывают заново? – спрашиваю я.

– Изучают. Но самое странное заключается в том, что все эти улики могли появиться не до, а после преступления – во время расследования. Возможно, их оставил кто-то, посещавший места преступления.

– И теперь вы боитесь следующей «Женщины без лица»?

Детективы в Европе потратили пятнадцать лет на поиски женщины-убийцы, чью ДНК нашли на более чем пятидесяти местах преступления и которую подозревали в совершении по меньшей мере шести убийств. Самое странное случилось, когда французские полицейские попытались идентифицировать неизвестного погибшего мужчину и нашли все ту же ДНК. Да, это была женская ДНК, и принадлежала она сотруднице немецкой медицинской компании, которая изготавливала ватные палочки для взятия мазков. По неосторожности она оставила следы на поставлявшихся в правоохранительные органы материалах.

– Да, но такую возможность уже исключили. Слишком много разных образцов. По всей видимости, это должен быть кто-то близкий к расследованию.

– Лаборант?

– Да, вот только ни один из лаборантов не мог быть на всех местах преступлений или даже рядом. Такое впечатление, что кто-то неизвестный посетил все точки.

– Репортер? Охотник за маньяками?

– Может быть, – Николсон пожимает плечами. – Когда произошло убийство около дома Ойо, и Маркус исчез... В общем, эти образцы, которые мы считаем образцами Фантома, снова обнаружили.

– А-а-а... – До меня наконец начало доходить. – Галлард решил, что Фантом – это я.

– Справедливости ради, если в базе данных ФБР поискать людей со склонностью к посещению мест преступлений, ваше имя будет первым в поисковой выдаче.

Ну да, а мои постоянные поездки по заданиям Госдепа, которые, ясное дело, в большинстве своем были секретными, сделали попытки выследить меня весьма затруднительными.

– Можете не беспокоиться, я – не Фантом. Скорее всего это вообще статистическая погрешность или проблема лабораторной обработки образцов.

Можно было бы еще упомянуть, что ФБР не славится скрупулезностью и педантичностью в отношении работы с образцами и уликами. Независимая экспертиза показала, что специалисты ФБР сотни раз ошибались, определяя принадлежность ДНК или отпечатков. Для многих подозреваемых это вылилось в сроки за преступления, которых они не совершали, а некоторых совершенно невиновных людей отправили на смертную казнь. Когда эти факты вскрылись, Бюро уведомило прокуроров, однако в целом тему постарались максимально замять, опасаясь сотен пересмотров дел.

Это вообще очень сложная с моральной точки зрения тема. Организации подобные «Проекту “Невиновность”» помогли множеству несправедливо осужденных, хотя некоторые эксперты из правоохранительных органов считали, что далеко не все осужденные были «невиновными». И тем не менее это ответственность правоохранителей, – следить, чтобы каждый подозреваемый реализовал право на справедливый суд на основе вещественных и других доказательств, а не интуиции полицейских. Я думаю, что ФБР считало вполне оправданным с юридической точки зрения не тратить сверх-усилий на то, чтобы оповестить всех осужденных о

новых обстоятельствах их дел, более того, сильно подозреваю, что кто-то из начальства решил, что умолчание – морально правильное решение.⁸

Правда заключается в том, что у каждой крупной лаборатории есть ворох проблем и масса процедур, которые давно пора пересмотреть. Центры по контролю заболеваний особенно знамениты массой случаев и жутких примеров, которые ставят под вопрос компетентность специалистов их лабораторий. И, поскольку они все в⁹ ремя на слуху, об их ошибках публике известно больше, чем о чьих-либо других.

– Криминалистика для меня – темный лес, – говорит Николсон. – Главная причина, по которой к делу привлекли Галларда, – это Маркус. Ни в его профиле, ни в послужном списке нет ничего, и я имею в виду ничего вообще, что указывало бы на склонность к жестокости. Даже Галлард сказал, что впервые видит, чтобы в убийстве подозревали человека, настолько неспособного его совершить абсолютно по всем признакам. Весь опыт психологов-криминалистов – коту под хвост. Обычно – после совершенного преступления – в прошлом человека обнаруживают признаки того, что должно было случиться. Но как ни изучай жизнь и работу Маркуса – абсолютно ничего.

– А связь между Маркусом и Фантомом? Мог Маркус оказаться на тех местах преступлений в свободное от работы время?

– Мы об этом думали. Но в слишком многих случаях подтверждено, что он был в другом конце страны. До сих пор ведь и саму идею существования Фантома до конца всерьез не рассматривали. И при всем при этом мне хочется верить, что Маркуса подставили.

Телефон Николсона вибрирует, и он смотрит на экран.

– Черт подери!

– Что такое?

– Нашелся.

– Маркус?

Он кивает.

– И куда его привезут?

– Сюда. Минут через двадцать. – Николсон бросает взгляд на мою машину. – Все еще хотите уехать?

⁸ «Проект “Невинность”» – некоммерческая юридическая организация, стремящаяся оправдать лиц, которые, как утверждается, были ложно осуждены из-за ошибок в анализе ДНК.

⁹ Центры по контролю и профилактике заболеваний США – Федеральное агентство министерства здравоохранения США, чья главная цель – защита здоровья и безопасности населения посредством контроля и профилактики заболеваний, травм и инвалидности. Центры фокусируются на разработке и применении мер по контролю и профилактике заболеваний.

Глава 8

Фуга

Лицо Дэниела Маркуса занимает практически весь экран, висящий на стене в темной переговорной. Галлард смотрит внимательно и время от времени просит агента, управляющего камерами, переключиться на общий план. Видимо, хочет посмотреть на позу и жесты Маркуса.

Переговорная, где мы сидим, находится на втором этаже. Отсюда ведущие расследование агенты наблюдают за ходом интервью и передают вопросы непосредственно находящемуся с Маркусом специалисту. Я тихо расположился в уголке, на кармане пиджака у меня прицеплен бейджик посетителя. Когда мы вошли в переговорную, агенту Галлард представил меня просто как доктора Крея.

Опрос ведет агент Хоу, высокая темноволосая женщина, чрезвычайно уверенная в себе, и делает это профессионально, не проявляя ни снисходительности, ни скепсиса. Не знаю, как бы я сам справился, окажись у нее на допросе. Она сдержанна и терпелива, не торопится прерывать длинные паузы, заставляющие Маркуса углубляться в детали.

– Расскажите, что вы помните о том, как прошел четверг, восемнадцатое число, – просит она Маркуса.

Тот коротко качает головой:

– Практически ничего.

Николсон наклоняется ко мне и шепчет на ухо:

– Он добровольно вызвался дать показания. Полиция обнаружила его в придорожной зоне отдыха неподалеку от границы.

– Вы помните, как проснулись в то утро? – спрашивает Хоу.

Маркус ненадолго задумывается.

– Это скорее был уже день. Перед этим у меня была ночная смена. Да, я помню, как встал, оделся и поехал на место.

– Хорошо. А что вы помните про вечер того дня?

– Ничего.

– Ничего? – Агент Хоу замирает, видимо, прислушивается к вопросу в наушниках. – А вы делали какие-либо записи на месте работы?

– Да, делал. Заполнил несколько форм, потом спустился в раскоп. Провел там какое-то время, потом проголодался, еще подумал, что заболеваю. Многие работавшие с нами болели гриппом или чем-то таким. Из-за этого все были в напряжении.

Его голос спокоен на грани монотонности, будто он читает по бумажке. Я оглядываюсь посмотреть, как на это реагирует Николсон. Его позу прочесть проще, чем Маркуса – агент в растерянности.

– Что последнее вы помните в раскопе?

Маркус вздыхает.

– Не уверен. Я... Я помню какую-то тень... потом... ничего. А дальше меня нашли полицейские.

– Врач его осмотрел? – спрашиваю я Николсона.

– Сотрудник скорой на месте, и наш врач уже здесь. Мы хотели сперва с ним поговорить, а потом уже отправить в больницу на полное обследование.

Маркус выглядит так, будто пребывает в шоковом состоянии, но трудно сказать, так ли это, или он просто плохой актер. Галлард поглаживает подбородок и время от времени проверяет что-то на ноутбуке. Что-то в поведении Маркуса его беспокоит.

Я не специалист по психологии поведения. Что и говорить, я в поведении нормальных-то людей иногда путаюсь, не то чтобы разобрать, когда кто-то врет. Некоторые интуитивно чувствуют ложь. Ничего сверхъестественного, просто они улавливают изменения тембра голоса и нюансы поведения, свидетельствующие о том, что говорящий врет. Люди могут быть очень неплохими детекторами лжи. Например, такие люди даже по аудиозаписи могут относительно точно определить, изменяет ли рассказчик супруге, и это случается куда чаще, чем статистически вероятно для случайного угадывания. Причем женщины обычно делают это лучше мужчин. С приходом новых измерительных приборов – как те, что я применял в Москве, – тепловизоров, миллиметровых радаров, магнитно-резонансной томографии, – стало возможно получить массу новых параметров, чтобы понять, говорит ли человек правду. А новые исследования и применение искусственного интеллекта подняли точность такого анализа до пугающего уровня. Двойные слепые исследования убедительно доказали, что компьютер определяет ложь куда точнее человека и значительно реже принимает правду за вранье.

Привычное убеждение, что детектор может определить только, верит ли сам человек в то, что говорит, уже не актуально для современных методик. Мы в буквальном смысле можем посмотреть, какие зоны мозга активизируются при ответе на тот или иной вопрос. Если я сначала спрошу вас, где вы были в прошлый четверг, и вы при этом по-настоящему убедили себя, что были дома, а потом уточню, а что вы ели на ужин, вашему мозгу придется придумывать ответ, поскольку у вас нет готового. Вы сами можете не отдавать себе отчета, что создаете новый образ на ходу, но мы увидим, что активизируется зона мозга, отвечающая за воображение, а не за хранение воспоминаний. Сейчас технологии развились настолько, что если попросить вас вспомнить человека, с кем вы недавно беседовали, то компьютер сможет воспроизвести смутное изображение, которое тем не менее будет отличимо от изображения, которое будет появляться, если попросить вас подумать о каком-то абстрактном лице.

Это одновременно очень многообещающе и очень страшно. Мои знакомые, занимающиеся такими разработками, стараются быть предельно осторожными, чтобы технологии не были использованы во зло, несмотря на благие намерения использующих. Мне приходится проявлять такую осторожность в своей работе постоянно.

С учетом сказанного, я был бы очень рад возможности заглянуть Маркусу в голову и посмотреть, что там творится. Уверен, что возможно построить модели и программы машинного обучения, которые на имеющихся данных помогли бы нам получить намного больше информации, чем у нас есть сейчас, – намного больше, чем ничего. Даже из того, как на все это реагируют Николсон и Галлард, можно извлечь больше информации.

– И о потере сознания вы ничего не помните? – спрашивает Хоу.

– Не помню, – отвечает Маркус.

– А где ваша машина, вы можете сказать?

Маркус некоторое время обдумывает вопрос, потом отрицательно качает головой.

– На вас не та одежда, в которой вы пришли на работу. Когда и где вы переоделись?

Маркус снова качает головой.

– Не было ли у вас болевых ощущений, например головной боли?

Медицинское обследование покажет, была ли у Маркуса травма головы, но если ему ввели какое-то наркотическое вещество, то за последние сутки, что его не могли найти, оно уже полностью исчезло из его крови. Есть шанс найти след от укола шприцем, но если ему подсыпали что-то в еду или воду, ничего обнаружить или доказать, что воздействие было, не получится.

Последний вопрос не требует от Маркуса долгих размышлений.

– Я помню головную боль.

– После того, как пришли в себя?

– Кажется, да... но и раньше тоже. Тут все гриппом болели.

Галлард прищуривается, пытаясь осмыслить сказанное. Поведение Маркуса явно укладывается в какую-то схему, и мне жутко хочется спросить Галларда, что он обо всем этом думает.

На мой взгляд Маркус отвечает на вопросы очень неуверенно и неполно. Мне пока трудно понять – это умышленное умолчание, или он правда не помнит, что произошло.

– Можно уже поехать в больницу? – спрашивает Маркус.

– Хорошо, скорая вот-вот приедет. Вы можете вспомнить еще что-нибудь?

– Нет. А что другие говорят?

– Другие? – переспрашивает Хоу.

– Новак, – отвечает Маркус. – Новак и Ши.

– Они мертвы.

– Мертвы? – Маркус выглядит так, будто не понимает самого слова. – Но как?

– Это мы и пытаемся узнать. Вы уверены, что ничего больше не хотите рассказать?

Маркус качает головой и откидывается на стуле. Он опускает взгляд и отказывается отвечать на последующие вопросы. Через пару минут приезжает скорая, и его увозят в больницу.

Когда экран гаснет, Галлард поворачивается ко мне.

– Проанализируете?

– Вы спрашиваете дилетанта. С тем же успехом можно подкинуть монетку, ответ будет точнее, чем мои впечатления.

– Рад, что вы понимаете пределы своей компетентности. И все же каковы ваши впечатления?

– В своей работе я обычно опираюсь не на ощущения, а на объективные данные. Не обижайтесь, но наиболее интересные данные можно сейчас получить, наблюдая за вами и Николсоном. И уж точно этих данных больше, чем можно извлечь из того, что сказал Маркус. Николсон был чрезвычайно удивлен тем, как Маркус говорил, как будто не узнавал его. Вы... вы же наоборот, видели что-то знакомое или по крайней мере ожидаемое.

– А вы не такой уж и невнимательный, как прикидываетесь, Тео. Я готов поделиться тем, что знаю, но сначала расскажите все-таки о ваших ощущениях. Не как ученый, а по-человечески, что вы увидели в поведении другого человека.

– Хотелось бы верить, что он был под воздействием веществ и не отдавал себе отчета в том, что делает, но инстинкты мне говорят, что он лжет. Единственное, чего я не могу понять, почему он вообще согласился разговаривать с вами без адвоката.

– На этот счет у меня тоже есть гипотеза. Но давайте теперь послушаем, что скажет Николсон, – Галлард поворачивается к агенту. – Вы же знали Маркуса.

Николсону явно не по себе. Его голос сбивается.

– Это... это был как будто не Дэниел.

Глава 9

Воскресший

– Как будто не Дэниел? – переспрашивает агент Ван Оуэн. Во время беседы с Маркусом она сидела на другом конце комнаты и что-то записывала в блокнот. Коротко стриженная блондинка спортивного телосложения, она напоминает чем-то военного летчика и немного Джиллиан.

– Дайте собраться с мыслями, – говорит Николсон, явно выбитый из колеи. – Мне надо это обдумать. Галлард, а вы что об этом думаете?

Галлард откидывается в кресле, скрестив руки на груди.

– Я внимательно прочел досье Маркуса. А потом мы вместе посмотрели беседу с ним. И хотя лично я его не знаю, по досье складывается портрет человека, совершенно отличного от того, кого мы видим сейчас.

– Простите, глупый вопрос можно? – поднимаю я руку. – Другого в буквальном смысле или просто ведущего себя по-другому.

– Прошу прощения, Тео, – отвечает Галлард. – Ведущего себя по-другому. Радикально иначе. И что меня особенно удивляет, что ничего в прошлом привычном Маркусе даже не намекает, что он способен себя вести так, как мы только что видели на экране. Вот посмотрите.

Галлард разворачивает свой ноутбук экраном к нам. На нем открыта видеозапись. Галлард запускает видео: Маркус в суде рассказывает что-то о полученных им данных криминалистической экспертизы. Он выглядит напряженным, на вопросы реагирует почти испуганно, хотя они касаются каких-то сугубо технических моментов. Его руки постоянно нервно двигаются.

– Это совсем другое поведение под стрессом по сравнению с тем, что мы только что видели.

– Маркус всегда был немного дерганным, – говорит Николсон. – Но я видел, что он может давать показания весьма спокойно.

– Верно, – соглашается Галлард и включает другое видео. – Например, как вот тут?

На экране снова Маркус в зале суда, но на этот раз гораздо более спокойный. Он говорит полными предложениями и весь его вид значительно ближе к тому, что мы видели сегодня.

– Две разные записи, – подводит итог Галлард. – Две разные версии одного человека. Агент Николсон, вы можете вспомнить, когда снято второе видео?

– Дело Кингстона? Кажется, повторное слушание. Возникли вопросы к данным экспертизы, которую проводил Маркус, и ему пришлось давать разъяснения. Он отлично справился, подозреваемого осудили.

– Судя по материалам дела, к даче показаний Маркус готовился неделю. Часами сидел с юристами, чтобы пройти слово в слово по заготовленной речи. Итак, мы видим две модели поведения Маркуса под внешним давлением. Во втором случае у него была возможность все обдумать, а в первом его застали врасплох. Он умный человек и при должной подготовке прекрасно с собой справляется.

– Но это не значит, что он убийца! – протестует Николсон.

– Не значит. Но есть кое-что, чего вы не знаете. Слышали о деле рестораника «Яичница»?

– Я еще здесь не работал. Убийство владельца ресторана, кажется? Вроде решили, что убийцей был партнер.

– Верно. Маркус работал над криминалистической экспертизой на этом деле. Партнера оправдали. Частично потому, что единственное, что он рассказал полицейским до того, как к

нему пустили адвоката, было то, как он потерял сознание задолго до смерти жертвы. Теоретически кто-то мог подсыпать ему наркотик или снотворное и в это время совершить убийство. Этого хватило для обоснованного сомнения и его оправдали, – рассказывает Галлард.

– Хотите сказать, что сейчас Маркус использует ту же историю? – спрашиваю я.

– У меня стенограмма перед глазами, – Галлард показывает пальцем в экран ноутбука. – Маркус повторяет все практически дословно. Сработало тогда, может, и сейчас тоже сработает.

– Значит, это он, – говорит Николсон.

– Я практически уверен, что да, но что-то в этой истории не совсем сходится, – продолжает Галлард. – Весь опыт и инстинкты психолога-криминалиста говорят мне, что Маркус невиновен. Я еще раз прогнал его досье через нашу систему, но в нем нет ни одной зацепки. Ни одного признака, что он вообще способен так себя вести. Ровно наоборот. Все показатели агрессивности по нижней планке. Он совершенно неконфликтен. Скорее всего потому и стал криминалистом, а не полевым агентом.

– Что-то стало толчком и он сорвался? – спрашивает Николсон.

– Похоже, но для этого тоже должны быть хоть какие-то предпосылки. Да и следы остаются обычно. У нас же совершенно спокойный человек с чрезвычайно развитыми способностями к эмпатии. Его бы совесть замучила, убей он кого-нибудь. Да и после такого преступления он бы точно сошелся, по крайней мере если верить его досье.

– Доктор Крей, а вы что думаете? Могут люди так меняться?

Я вспоминаю разговор о лягушках-оборотнях во время расследования дела Гризли-Убийцы, после которого меня сочли главным подозреваемым, и стараюсь подбирать аналогии очень аккуратно.

– Да, теоретически из человека можно сделать убийцу. В армии этим и занимаются. На взрослого можно воздействовать психологически, шаг за шагом переводя из одного состояния в другое, и довести до того, что он будет совершать поступки, которые когда-то считал невыносимыми. Но если, как вы говорите, в поведении Маркуса не было вообще никаких предпосылок к подобному поведению, то добиться такого эффекта чисто психологическими средствами было бы очень трудно.

– Чисто психологическими? – переспрашивает Галлард.

– Я не специалист, но физическое повреждение лобных долей мозга может привести к изменениям в поведении. Финеас Гейдж и все вот это вот. Хотя последнее время масштабы изменений в его личности считают преувеличенными. Анатолий Бугорский получил очень похожую травму, но поведения не поменял.¹⁰

– Бугорский?

– Похожая история. Русский ученый, которому в процессе работы в голову попал протонный луч высокой энергии. Прямо как в комиксах. Только вместо супер-способностей он получил эпилептические припадки и повышенную утомляемость.

– Это ужасно, – говорит Галлард. – Повреждение префронтальной коры лобных долей часто связывают с агрессивным поведением. И хотя в некоторых случаях, когда все списывали исключительно на травму, я сомневаюсь, но в целом согласен, что иногда так бывает. Но вы и сами понимаете, почему эту версию прорабатывают не очень тщательно.

– Конечно, – киваю я. – Ваша задача – поймать убийцу, а не объяснить присяжным, почему он не до конца отвечает за свои действия.

– Дэниел не так давно попал в аварию на велосипеде. Может, это связано? – спрашивает Николсон.

¹⁰ Американский строитель, получивший тяжелое ранение головы при прокладке железной дороги в 1848 г. Из-за ранения Гейдж лишился большей части лобной доли левого полушария головного мозга, но выжил и прожил еще 12 лет. Считается, что эта травма привела к значительным негативным изменениям в его эмоциональном состоянии, социальных навыках и личностных особенностях.

– В какую аварию?

– Год назад. Ехал на велосипеде, и его сбила машина. Загребел в больницу на несколько недель. Это не могло стать причиной?

– Результаты томографии есть?

– Подождите, – вмешивается в разговор Ван Оуэн. – Как верно заметил доктор Крей, постановка диагноза Маркусу не является нашей непосредственной задачей. Это вообще не наше дело, мы всего лишь заинтересованные стороны.

– Миранда, – отвечает Николсон. – Маркус – один из наших. А как только дело передадут в другой отдел, они будут относиться к нему, как к любому мерзавцу с улицы.

Я решаю не высказываться вслух, что именно так и нужно к нему относиться ради объективности. Но я бы сделал то же самое на месте Николсона, если бы подозреваемым стал мой коллега или друг. Вот еще пример несовпадения моих личных этических установок с общественными.

– Хорошо. Но не думаю, что он с радостью передаст нам медкарту. Спорить готова, что Маркус очень быстро потребует адвоката и говорить будет только через него.

– Что именно нам нужно? – поворачивается ко мне Николсон.

– Результаты магнитно-резонансной томографии, если ее делали. Посмотреть возможные повреждения. И нужно найти специалиста, который может эти повреждения определить, я тут ничем помочь не могу... – Я замолкаю на полуслове, вспомнив кое о чем.

– Продолжайте, – говорит Галлард.

– Понадобится эксперт. Но... погодите... – Я достаю телефон и запускаю быстрый поиск по нескольким медицинским базам, к которым у меня есть доступ. – Так, ладно, эксперт нам все равно понадобится. Более того, он скажет, что то, что я собираюсь сделать, – бесполезно, или это уже сто раз делали до меня, но мне будут нужны несколько сотен МРТ-сканов людей с поврежденной корой лобных долей и несколько сотен сканов людей без повреждений. Я настрою программу машинного обучения, которая сможет собрать статистику и поможет проанализировать результаты Маркуса.

– Сколько на это уйдет времени? – спрашивает Галлард.

– Если у сканов все будет хорошо с маркировкой – несколько часов.

– Несколько часов?

– У меня в лаборатории стоит отдельный сервер как раз под такие задачи. По большому счету мне даже программу писать не придется, просто загружу изображения в готовый анализатор, ну и напишу небольшой скрипт, чтобы анализировать их все разом.

– Прямо так все просто? – спрашивает Ван Оуэн с сарказмом.

– Машины уже захватили мир, сестренка, – пожимаю я плечами в ответ. – Просто человечество не готово это признать. Единственный вопрос – результаты МРТ Маркуса.

– Тут нам повезло, – говорит Николсон, помахивая телефоном. – Маркус обращался в страховую после той аварии и просил о консультации юриста, так что сам скинул мне сканы.

– А это законно их сейчас использовать? – сомневается Ван Оуэн.

– Я во всем этом не участвую, – говорит Галлард, демонстративно поднимая руки. – Я здесь всего-навсего сторонний наблюдатель.

– Как сторонний наблюдатель, не могли бы вы поделиться информацией, нет ли в округе невролога, который мог бы нас проконсультировать?

– Ладно, но нужно проверить все это быстро, пока наверху не узнали. Подозреваю, от меня потребуют отчета в любой момент. И если он им не понравится, то меня ждет ближайший самолет в Вашингтон.

– А в чем вообще смысл? – спрашивает Ван Оуэн. – Это же работа для юристов.

– Если ему предъявят обвинение, это будет единственный шанс Маркуса попасть в лечебницу, а не в обычную тюрьму. Возможно, там ему смогут помочь, – отвечает Николсон.

Будем надеяться. Не хочется говорить этого вслух, но я согласен с Ван Оуэн. Устройство человеческого мозга и причины поведения находятся далеко за пределами моей специальности. Я умею ловить злодеев, но не решать, что с ними делать потом. При этом инстинкты говорят мне, что я упускаю какую-то очень важную деталь, на которую не укажет никакая программа, и похоже, у Галларда тоже есть подобное ощущение.

Глава 10

МРТ

Доктор Генриетта Лид в задумчивости стоит между проектором и экраном, на который, как и на ее халат, выведено изображение мозга Дэниела Маркуса. Для меня это скопление бесформенных клякс, но, надеюсь, для нее оно несет куда больше смысла. Доктор Лид по виду ровесница Галларда, она серьезна и немногословна. Торчащие иглами рыжие волосы и фиолетовые очки придают ей вид безумного ученого, но дело свое она явно знает. Она уважаемый диагност, и ФБР часто привлекает ее к делам, где фигурирует травма головы. Прошло меньше часа после звонка Николсона, когда она появилась в здании.

Моя компьютерная модель уже выдала результат, но я не спешу рассказать об этом Николсону и остальным. Это первый мой опыт подобного рода и я не хочу увести расследование по ложному следу своей наспех собранной схемой, которая работает на основе нескольких сотен изображений, которые мне следовало отбирать куда тщательнее, чем это позволило имеющееся время.

Лид просит Галларда вывести еще несколько изображений. Достает линейку и измеряет некоторые области на экране. Я понятия не имею, можно ли так действительно определить повреждения мозга. Подозреваю, что она добавляет немного шоу в свои действия, как проприетарий, читающий судьбу по птичьим внутренностям. Она присматривается к дате в углу экрана.

– Эти снимки сделали сразу после аварии?

– Да, – отвечает Николсон.

– А эти? Через два месяца?

– Верно.

– Хм-м-м, – тянет она громко, будто приглашая нас всех поразмышлять с ней вместе. –

А вы что скажете, доктор, как вас там?

– Тео, – отвечаю я.

– Доктор Тео, что вы думаете?

– На самом деле Тео – это имя.

Она смотрит на меня сквозь луч проектора, будто я громко рыгнул за столом.

– Отлично, здорово, что хоть с этим разобрались. Так что вы думаете?

– Я специалист в вычислительной биологии.

– Что? Тогда что вы тут делаете? Будете считать микробов у него в ушной сере?

– Доктор Крей... эм, Тео – специалист широкого профиля, – находится Николсон.

– Отлично, широкопрофильный доктор, и что вы скажете?

– Что специалист тут – вы.

– И зачем вы тогда расходуете кислород, которого нам и так тут не хватает?

Эта женщина одновременно завораживает и раздражает меня.

– Я построил компьютерную модель, чтобы сравнить повреждения Дэниела Маркуса и других пациентов.

– А, университетская программа? – спрашивает она.

– Эм, нет, моя собственная, написал час назад.

– Великолепно! И что она нам говорит?

– Ну, она не выдает стопроцентного результата, а может только определить вероятность принадлежности результатов Маркуса одной из групп изображений, которые я ввел. Я проверил модель на двух контрольных изображениях, и вероятность успешного определения составила 0.82 в одном и 0.94 в другом случае для изображений поврежденного мозга. С изоб-

ражениями здорового мозга все несколько сложнее и точность определения ниже, их нужно обработать тщательнее, чтобы получить приемлемый результат.

– Я сейчас усну, вы этого добиваетесь?

– Проверим минут через десять.

– Ладно, умник, и каковы результаты для Дэниела?

– Вероятность совпадения – 0.21.

– А для тех, кто далек от программирования?

– На основе сравнения с результатами других МРТ моя программа говорит, что у Маркуса нет повреждений коры лобных долей.

Николсон резко поворачивается ко мне, я вижу, что он разочарован.

– Это всего лишь программа.

– Но в данном случае я с этой программой согласна, – говорит Лид. – Вынуждена согласиться. Хотя хотела бы перепроверить ее на тех данных, что есть у меня.

– Я могу вам открыть доступ на сервер, и вы сможете протестировать ее в режиме машинного обучения.

– Отлично, что бы это ни значило. – Она поворачивается к Галларду и Николсону: – Если этот парень убийца, то не потому, что у него поврежден мозг, я ничего такого не вижу. Да и вообще, откровенно говоря, я бы не придавала такого значения всем этим теориям про влияние лобных долей на поведение. – Она поднимает руку, чтобы остановить любые возникающие вопросы. – Да, да, серьезные травмы или длительное воздействие могут вызвать смену поведения и агрессию, но чтобы удариться головой и стать Ганнибалом Лектером – нет, такого не бывает. Должны быть другие симптомы. Маркус прогуливал работу? Ссорился с коллегами? Ругался матом?

– Нет, – отвечает Николсон, – ничего подобного. Маркус был отличным парнем.

– Вот, в этом и проблема. Есть клинические случаи, когда у людей после подобных травм начинало меняться поведение и появлялись девиации – от страсти к азартным играм до увлечения детской порнографией, – но они всегда проявляются постепенно. Как будто травма постепенно подтачивает их способность контролировать себя. И темная сторона постепенно выплывает наружу.

– А может ли быть другая причина?

– Кроме физической травмы? На эти участки мозга можно воздействовать некоторыми химическими веществами. Опять же постепенно. Он бы заявлялся на работу под кайфом или в ломке. Сначала проявляются мелкие симптомы, и только потом человек сходит с ума.

– Хорошо, а мог быть наркотик, под действием которого он пошел на преступление? Может, ему подсыпали или подлили что-то?

Лин обдумывает такую возможность.

– Следы вещества могут быть в анализах крови и мочи. Следы ЛСД сохраняются в крови до пяти дней. Высокие дозировки можно определить по концентрациям некоторых веществ в волосяных фолликулах. Но чистые анализы все равно не будут гарантированным доказательством, что его не одурманили. – Она показывает рукой на экран: – Но это уже не моя специальность. Вы попросили определить, были ли у него повреждения коры лобных долей мозга, видимые на МРТ. Я ничего подобного на снимках не вижу. Это не значит, что повреждения полностью отсутствуют, но видимых – нет. И, похоже, ваш дорогой доктор Тео со мной в этом согласен. Еще вопросы?

С этими словами она начинает собираться. Николсон пожимает плечами, Галлард качает головой.

– Спасибо, – говорит Ван Оуэн. – Я вас провожу.

Я поднимаю руку.

– Подождите, короткий вопрос. А вам лично приходилось сталкиваться в практике со случаями изменения поведения после травмы лобных долей?

– Один раз. И такое не забудешь. Я работала штатным врачом в федеральной тюрьме. Поступил пациент. Три пожизненных срока за убийство жены и двоих детей. Эмерсон, кажется, его звали. Самый мерзкий сукин сын, что можно вообразить. Прямо вот как представляют Финейса Гейджа с его этой историей. Только Эмерсон был прямо перед глазами, а не в рассказах очевидцев. Без двух охранников его нельзя было никуда перевозить. На прием приводили в наручниках и со скованными ногами.

Когда я стала смотреть историю болезни и материалы дела, к своему удивлению выяснила, что раньше никакой склонности к насилию за ним не водилось. Бойскаут, в буквальном смысле. На самом деле на бытовое насилие часто закрывают глаза и агрессивным ублюдкам слишком часто дают еще один шанс. Но по виду Эмерсон был не из тех, кто давно проявлял агрессию, просто скрывал ее. Я тогда как раз изучала последствия повреждения лобных и височных долей и проверила все, даже произвольные движения глаз. Ничего. Но произошло кое-что любопытное. Однажды в смотровой лопнула лампочка – не редкость в старом здании – и на мгновение Эмерсон превратился в испуганного ребенка. И главное, не то чтобы весь свет погас. Его испугал просто резкий хлопок. Но через секунду он пришел в себя и снова стал несносным ублюдком.

Я перепроверила материалы дела, и выяснилось, что он работал электриком в жилом комплексе. Когда я поговорила с управляющим комплекса, выяснилось, что незадолго до убийства он нашел электрика без сознания в подвале, где стояли стиральные машины, а Эмерсон спустился туда, чтобы починить розетку.

Похоже, Эмерсона ударило током. Возможно, из-за этого у него случился эпилептический припадок или что-то в этом роде. Управляющий спросил, что случилось, но Эмерсон не мог ничего вспомнить и попросил отпустить его домой. От вызова скорой отказался. А через две недели убил свою жену и детей.

Я знаю, что вы хотите спросить – превратил ли этот удар током спокойного электрика в убийцу? Не знаю. Можно искать связи и рассуждать, но никаких точных выводов сделать невозможно. Может, он вообще был скрытым психопатом и ждал только случая. Такое тоже бывает.

Но от вашего случая Эмерсон отличается тем, что я готова спорить на деньги, что кора лобных или височных долей его мозга была повреждена и мы увидели бы это на снимках. А у вашего – ничего. Ну разве что он по ночам подрабатывал криворуким электриком.

– Спасибо, доктор Лид, – говорит Галлард, и врач уходит. – Даже не знаю, что еще можно сделать.

– Твою мать, – бормочет Николсон, отрываясь от ноутбука.

– Что, Маркус теперь с адвокатом? – спрашивает Ван Оуэн из-за своего.

– Нет, ты видела последний отчет о его работе?

– Не видела, а у тебя он откуда? – отвечает она.

– Не важно. Он получил жесткий выговор от Новак. Она всыпала ему по полной за то, что он неправильно промаркировал образцы, что могло развалить все дело.

– Ну, вот и мотив, – говорит Галлард. – Прокурор как пить дать докажет, что Маркус не справился со стрессом и сорвался. Скорее всего обвинят в непредумышленном убийстве, потому что с умышленным и высшей мерой могут быть вопросы. Потом, может быть, переведут в лечебницу.

– А почему бы не проверить, как сейчас выглядит его томограмма?

– Рискованно, – говорит Галлард. – Если там ничего не обнаружится, как и раньше, ему будет труднее доказать, что первопричиной была физическая травма. Да и нет повода его проверять – с ним ничего не приключалось последнее время. Самое надежное – найти сочувству-

ющего судебного психолога и сослаться на проблемы с нервами. Это в случае, если адвокаты не предпримут попытки доказать его невиновность.

– Спасибо, доктор Крей, – говорит Николсон. – Извините, что втянули вас в это.

– Извините, что не смог ничем помочь. – Я проверяю телефон. Может, еще получится успеть на ночной рейс в Остин. – Дайте знать, если всплывет что-то новое.

– Конечно.

Я выхожу из переговорной, пытаюсь отделаться от ощущения, что там осталось что-то незаконченное. Что я все еще упускаю что-то важное. Я пытаюсь выкинуть это ощущение из головы и подумать о том, как буду возвращаться к делам и исправлять то, что успел натворить в мое отсутствие Тодд.

Черт побери! Что же меня так цепляет в истории, которую рассказала Лид?

Глава 11

Кошачья мята

Проходя мимо рядов пустых кресел в терминале аэропорта, я продолжаю думать о Маркусе и Эмерсоне. В частности, о том, как один несчастный случай смог так повредить мозг Эмерсона, что превратил совершенно нормального человека в монстра. Это изменение не было плавным и постепенным. Резкий срыв, после которого он стал совершенно другой личностью, или по крайней мере освободил ту часть личности, которая есть в каждом из нас и только и ждет малейшего раздражителя, чтобы броситься в атаку.

Джо Вик и Ойо были устроены совершенно иначе – оба прекрасно контролировали свои порывы. Именно это и позволяло им оставаться в тени долгие годы. Эмерсон и Маркус действовали под влиянием секундного импульса и были пойманы вскоре после первого убийства, по крайней мере насколько нам известно.

Опасно полагаться на первое и самое очевидное объяснение, которое дает популярная психология. В 1990-м, когда кривая жестоких преступлений резко пошла вверх и либералы, и консерваторы заговорили о новом типе преступников. Так называемые суперхищники были детьми, которые присоединялись к уже известным бандам и начинали продавать наркотики, совершать грабежи и убийства с невиданным раньше размахом. По крайней мере так говорили. А еще этим термином заменяли словосочетание «черные подростки». Но, несмотря на страшные прогнозы, эти дети – так называемое жестокое поколение – выросли и стали поколением, совершившим меньше всего преступлений с 1960-х. Суммарно суперхищники оказались менее жестокими, чем представители предыдущего поколения, которые предлагали сажать их в тюрьму чуть ли не с рождения. Как представитель несостоявшихся суперхищников, я все еще жду извинений.

Несмотря на несостоятельность идеи о суперхищниках, а также несбывшихся пророчеств о следующем поколении крэковых наркоманов, тенденции культурной и естественной среды, обуславливающие усиление агрессивного поведения, все же существуют. Мне доводилось читать убедительные исследования, в которых говорилось, что представители того самого поколения, чьи дети так и не стали суперхищниками, сами в свою очередь провели детство и юность, подвергаясь действию различных соединений свинца, который тогда использовался повсеместно – от газетной краски до обоев. Это, предположительно, повлияло на их поведение, приводя к повышенному уровню агрессии в семьях и сообществах. Корреляция – это еще не причинно-следственная связь, но и ее нельзя оставлять без внимания.

Именно поэтому я не могу полностью отменить вероятность существования какого-то фактора окружающей среды, повлиявшего на Маркуса. Это очень трудно доказать. Некоторые факторы влияют слишком тонко, чтобы их было легко определить. Прямо сейчас мой желудок говорит, что я голоден, и мне совершенно необходимо шоколадное печенье с ореховым маслом из закрытого магазинчика. Причем я не уверен, что именно генерирует нервный импульс – мой мозг или триллионы бактерий в желудке, которые научились управлять моими дофаминовыми рецепторами. Да, они и такое могут. В некоторых исследованиях приводятся пугающие данные о том, что некоторые виды ожирения могут быть вызваны не генетическими сбоями, а микробами, которые заставляют нас есть вредную калорийную пищу. Да, я в курсе, что иногда очень хочется списать нашу лень и дурной выбор на обстоятельства или гипотетического внешнего виновника, однако постоянно растет количество известных болезней и шаблонов поведения, которые вызваны механизмами выживания тех микросуществ, что живут внутри нас.

А то, что человеческое тело, в свою очередь, представляет собой среду обитания миллионов других существ – многие из которых глубоко чужды нам генетически – и экосистем,

известно уже давно. Уже больше ста лет мы всерьез подозреваем, что митохондрии в клетках нашего тела когда-то были отдельными организмами. Союз первых эукариотов и древних бактерий оказался настолько эффективным, что благодаря ему возникло огромное множество организмов – от простейших губок до велоцирапторов. Тем самым природа как бы показала, что не важно, откуда берется хорошая идея, если она помогает выживанию вида.

Другие доказательства межвидового взаимопроникновения можно найти, изучая все странности и нелогичности в строении ДНК, которых не должно было быть, развивайся все живое по четким и понятным правилам. В нашем геноме есть фрагменты, доставшиеся нам от вирусов, которые нас когда-то заразили и ухитрились прописать куски своего кода в программу хозяина. Именно поэтому я не особо боюсь потенциального восстания машин. Наш генокод все равно где-нибудь да останется, пусть даже в файле с пометкой «При обнаружении немедленно уничтожить».

Я сажусь напротив девушки в толстовке Техасского университета. У нее на коленях котенок, с которым она играет. Котенок черепаховой окраски, и я пытаюсь разглядеть в его поведении элементы «черепаховости», на существовании которых настаивают владельцы кошек такого окраса. Я улыбаюсь девушке, стараясь при этом не выглядеть маньяком. Она улыбается в ответ. Раздосадованный паузой в игре котенок пытается оцарапать ей подбородок.

Интересно, как котенок воспринимает хозяйку? Как маму-кошку? Большого товарища по игре? Или как-то совершенно иначе, для чего в человеческом понятийном аппарате нет аналога? Вовсе не факт, что все кругом легко классифицировать. Конечно, природа долгое время воспитывала в нас инстинкты и безусловные рефлексы, однако иногда мы вырабатываем странные новые отношения с действительностью. Звук стиральной машинки помогает некоторым детям заснуть, определенная песня вдруг придает нам сил и всегда поднимает настроение. И хотя мы пытаемся объяснить такие отношения и дать им имена, на базовом уровне получается, что некоторые вещи или события просто активизируют определенные наборы нейронов. Например, кишечные бактерии отчетливо говорят мне: «Разбей стекло и сожри уже это печенье с арахисом».

Котенок зацепляется когтем за толстовку девушки, и она пытается его успокоить.

– Успокойся, Илон!

Это интересно. Самцы черепаховой окраски встречаются чрезвычайно редко.

– У вас кот, не кошечка? – спрашиваю я.

– Нет, это кошка. Нашла ее в Остине на научном фестивале после выступления Илона Маска, решила, что это подходящее имя.

И пока я наблюдаю за шkodливой Илон, одновременно пытаюсь переубедить триллионную армию бактерий, что не стоит прямо сейчас громить магазинчик и жрать все шоколадное печенье, что там осталось, мне в голову приходит мысль. Это шальная идея, но тем не менее у меня появляется ощущение, что кусочек головоломки, который все время лежал перевернутым и никуда не подходил, со щелчком встал на место. Я звоню Николсону.

– Доктор Крей? Что случилось?

– У вас есть телефон юриста Маркуса? Можете дать? – начинаю тараторить я.

– Да, могу спросить у коллег. А что происходит?

– Нужно убедить его как можно скорее сделать МРТ.

– Зачем? Что случилось?

– Пока не уверен, но если моя догадка верна, то ответы нам нужны прямо сейчас. Другие люди могут быть в опасности.

– Но Маркус под стражей. Он сам попросил.

– Знаю. Я не за него беспокоюсь. Нужен список всех, кто работал в доме Ойо. Всех, кто болел тем самым гриппом, о котором говорил Маркус.

Я вскакиваю так резко, что Илон чуть не сбегает от девушки.

Это может быть плохо, очень плохо. Надеюсь, что я ошибся. Я никогда в жизни так не хотел ошибиться.

Глава 12

Мембрана

Майк Джессап, адвокат Дэниела Маркуса, сидит рядом со мной в кабинете Генриетты Лид в здании Технологического института Джорджии и косится с подозрением. Это довольно полный человек с румяным лицом, который выглядит так, будто спал в одежде. Хотя его красные глаза говорят скорее о том, что он не спал с того момента, как ему позвонили друзья Маркуса. За окном кипит университетская жизнь, студенты спешат на утренние занятия по аллеям с уже облетевшими деревьями.

– Кто-нибудь может объяснить мне, что я делаю в кабинете врача, показания которого ФБР может использовать против моего клиента?

– Я уже сказала им, что не буду в этом участвовать, – говорит Лид и бросает на меня короткий взгляд. – Я уже, так сказать, скомпрометирована.

– Вы сделали МРТ?

– Вы вообще представляете, как трудно сделать МРТ посреди ночи? – огрызается Джессап. – А уж тем более получить расшифровку результатов.

– Вы штатный юрист больницы. Я думал, можно было попросить об одолжении.

– Я и попросил. Я просто хочу подчеркнуть, что вот так вот, по щелчку пальцев, это не делается. А сюда я приехал потому, что навел о вас справки. Но почему вы попросили меня быть здесь? По уму, мне нужно готовиться к подаче апелляции в случае, если ФБР выдвинет обвинения против моего клиента.

– У меня есть гипотеза.

– О-о-о, гипотеза, – передразнивает он. – Ну, тогда мне не о чем волноваться. Сейчас просто скажу прокурору и его людям, чтобы не напрягались, у вас же есть гипотеза. Если только вы не собираетесь сами сознаться в этом убийстве, то ваша гипотеза – просто пшик и не стоит моего времени.

– Мистер Джессап, на карту поставлена жизнь не только вашего клиента, но и многих других людей. И если я прав, хотя я очень хотел бы ошибиться, то ситуация может быть куда хуже, чем можно вообразить.

– И какой от этого прок моему клиенту?

– Им потребуется его полное и безоговорочное сотрудничество. Возможно, это поможет предотвратить другие убийства.

– Которые совершит кто?

– Это я объясню чуть позже. Как я уже сказал, есть шанс, что я ошибаюсь. Однако если я прав, у вас будет лишний козырь на переговорах с ФБР.

– Он вообще может говорить по делу? – спрашивает Джессап у доктора Лид.

– Снимки МРТ у вас с собой? – в свою очередь спрашиваю я.

Джессап вынимает из кармана флэшку.

– Вот они. Сделаны анонимно. Устроит?

Это довольно умно со стороны Джессапа. Если то, что снимки принадлежат Маркусу, документально не подтверждено, в суде их будет использовать проблематично. Если захочет, Джессап все еще сможет настаивать, что его клиент стал невменяемым в результате травмы. Лид берет флэшку и вставляет в свой компьютер.

– Опустите, пожалуйста, экран вон там и выключите свет, – обращается она ко мне.

Я выполняю просьбу и возвращаюсь на свое место. На экране сначала появляется изображение рабочего стола ее компьютера, а затем снимок МРТ, весьма похожий на тот, что мы видели совсем недавно. По этому изображению лично я ничего не могу сказать, и у меня

чешутся руки вырвать флэшку из компьютера Лид, чтобы воткнуть в свой и загрузить в программу-анализатор. Но я сдерживаюсь, чтобы сначала доктор сказала свое мнение.

Доктор Лид встает из-за стола и подходит к экрану. Конечно, она могла просто увеличить изображение у себя на компьютере, но, похоже, использование огромного изображения на проекционном экране – часть ее рабочего ритуала. Я отвлекаюсь, задумавшись, как могла бы выглядеть виртуальная реальность, в которой можно было бы попасть внутрь трехмерного изображения нашего мозга и проверить каждый отдельный нейрон. Лид достает свою линейку и начинает сравнивать области. Если верить тому, что я недавно прочел, она измеряет толщину некоторых областей префронтальной коры лобных долей. Белые и красные точки позволяют судить о насыщенности кровью. Если белых точек больше, чем красных – значит, эта область не работает.

– Вам это все что-нибудь говорит? – спрашивает меня Джессап.

– В таком виде нет. Мне нужны математически обработанные данные, – признаюсь я.

– Стало намного понятнее.

До меня доходит, что мой ответ для него слишком туманен.

– Мне нужно сравнить этот снимок с другими образцами, чтобы найти различия. Доктор Лид за свою практику видела тысячи снимков и может определить отличия невооруженным глазом.

– Если бы все было так просто, – отвечает доктор. – Майк, не возражаешь, если я позволю нашему компьютерному гению прогнать данные через... ну, что там у него на ноутбуке.

– Хорошо, но ты теперь официально работаешь консультантом защиты, без оплаты, естественно.

– Эм, ладно.

Я беру из рук Лид флэшку и вставляю в свой «Макбук». Нужна всего пара мгновений, чтобы загрузить изображение в программу и получить ответ.

– Доктор Крей, – спрашивает Лид, – что говорит ваша программа?

Я закрываю ноутбук.

– Вы первая. У меня только цифра.

Я осознаю, что мне хочется проверить ее. В прошлый раз она заставила меня говорить первым и вполне может что-то затеять и в этот раз.

– Ладно. Я начну, – говорит она и указывает на участок изображения в передней части черепа. – Видите? Все белое. Как будто никакой перегородки. Чтобы вызвать такие разрушения, нужно хирургическое вмешательство или лучевое воздействие.

Она поворачивается к Джессапу.

– Хватит, давайте настоящие.

– Настоящие что? – спрашивает он, не понимая.

– Снимки Маркуса. С этими можете над судом насмехаться, но со мной такое не работает.

– Генриетта, Господь свидетель, это именно та флэшка, что я получил от врача, делавшего МРТ.

– Серьезно? – Доктор Лид искренне удивлена.

– Абсолютно!

Она садится на край стола.

– Черт подери! Черт, мать его, подери, простите мой французский, джентльмены. Но я тоже не шутила. Подобные разрушения в мозге могут возникнуть только по тем причинам, которые я назвала. Хирургия или лучевой импульс. Снимки точно настоящие?

– Сто процентов.

Лид поворачивается ко мне:

– Ладно, компьютерный гений, а что говорит твоя волшебная коробочка?

– Ноль девяносто два, – называю я цифру вероятности совпадения с изображениями поврежденного мозга. – Опять же, программа не идеальна, но пока срабатывала точно.

– Черт подери! – снова восклицает она.

– Кто-нибудь может объяснить мне, что происходит? Мой клиент совершил убийство или не совершил? – вмешивается Джессап.

– О, конечно совершил, – отвечает ему Лид. – Судя по тому, что я вижу, даже если бы это был не он, то срыв, после которого Маркус сделал бы что-то подобное – всего лишь вопрос времени. Видите вот эту область? Она позволяет контролировать желание убить на месте человека, косо на нас посмотревшего. Алкоголь и наркотики ухудшают ее функционирование. У твоего клиента она не работает вовсе. По сути он был тикающей бомбой.

Джессап кивает, в голове намечая основную линию защиты.

– Я могу засвидетельствовать, что он не более виновен, чем тот, кто заражает других смертельно опасным гриппом, не зная, что сам болен, – продолжает доктор Лид. – Его мозг физически не способен контролировать импульсивное поведение. Он похож на человека, которого столкнули с крыши и который упал на прохожего, убив того.

– Но если мы будем настаивать на невменяемости, его на всю жизнь упекут в психушку, – замечает Джессап, обдумав сказанное.

Лид некоторое время сверлит его взглядом.

– Твоего клиента нужно изолировать. Прямо сейчас. Он может сорваться в любой момент. Я такое уже видела, – наверняка она имеет в виду Эмерсона. – Ему нужна помощь.

– Этот процесс обратим?

– В современных условиях – нет. Но, кто знает. Если в этой области нейрохирургии будут испытывать терапию на основе стволовых клеток, то он будет отличным кандидатом. – Она сокрушенно качает головой. – И все-таки расскажите мне, как это произошло.

– Мне кажется, я знаю, – отвечаю я. – И чертовски этим напуган.

Глава 13

Токсин

– Чушь! – говорит специальный агент Вельц, возглавляющий расследование. – Оставьте эти фантазии в стиле детективных сериалов для суда и тупых присяжных, они на это поведутся.

Я в очередной переговорной в ФБР – интересно, сколько их тут, может, они бесконечные и появляются как по мановению волшебной палочки, когда в них появляется нужда. Галлард, Николсон, Ван Оуэн и еще несколько агентов сидят вокруг стола. Моей репутации хватило на то, чтобы они согласились на тридцатиминутную встречу. Но уже через десять минут становится ясно, что мы не то что тридцати, а и пятнадцати минут не высидим. Вельц готов официально предъявить Маркусу обвинение и закрыть дело. И ему совершенно не по душе то, что откуда ни возмись появляется безумный профессор в моем лице и объявляет подозреваемого невменяемым еще до начала суда. Но, к сожалению, сейчас на карту поставлено слишком много.

– Выслушайте, – умоляю я. – Разрушение префронтальной коры лобных долей, как у Маркуса, никогда не встречалось раньше.

– Тем более он виновен. В чем вообще дело? Его адвокат прекрасно использует ваши доводы в суде. Почему вы еще здесь?

– Пожалуйста, попробуйте понять. Поскольку никаких признаков скрытой физической травмы у него нет, я попытался понять, как это могло произойти. И мне пришла в голову одна мысль, я вспомнил про токсоплазмоз...

– Это глисты из кошачьих какашек, что ли? – спрашивает Ван Оуэн.

– Типа того. Одноклеточные паразиты, обитающие в почве, воде, человеческом организме, словом, везде. В высоких концентрациях могут вызвать шизофрению. Возможно. Но точно известно, что токсоплазмы влияют на поведение мышей, заставляя тех терять всякий страх перед кошками. Что, естественно, кончается тем, что кошки ловят и едят этих мышей, а потом через зараженные экскременты способствуют более широкому распространению паразита. Кроме того, они и на человеческое поведение могут влиять, заставляя людей заводить больше кошек.

– Великолепно, «защита на кошачьем дерьме», – произносит Вельц. – Уверен, адвокат Маркуса будет вам за это чрезвычайно благодарен. Все, я могу идти?

– Я не сказал, что поведение Маркуса вызвано токсоплазмозом или его возбудителями – слишком короткий цикл в нашем случае.

– Слава богу! И спасибо, что объясняете понятным не слишком научным языком, – Вельц с ухмылкой обводит комнату взглядом.

Я делаю глубокий вздох, стараясь сохранить самообладание... но у меня не выходит.

– Заткнетесь вы хоть на секунду, черт бы вас побрал? Серьезно. Где был ваш острый ум, когда я пытался найти Джо Вика? Что вы делали, когда Ойо Диалло убивал детей непосредственно у вас под носом? Буквально на соседней улице. Коннера Брауна, одну из первых жертв, Ойо подобрал в нескольких кварталах отсюда. Его мать звонила вам восемьдесят раз. Восемьдесят чертовых раз! Вы ей ответили? Хоть кто-нибудь потрудился проверить церковный лагерь, в котором жертва была за неделю до исчезновения? – Мой голос срывается. – Когда его череп нашли, он был проломлен. Проломлен, потому что я наступил на него, прячась в том кошмарном дворе. На детский череп! Я еще потом осколок кости нашел в ботинке. – Я делаю глубокий вдох. – Поэтому дайте мне, пожалуйста, договорить, не перебивая.

Повисает мертвая тишина. Я оглядываю шокированные лица и понимаю, что сам вот-вот расплачусь.

– Мои извинения. – По тону Вельца можно решить, что он действительно раскаивается, хотя я подозреваю, что он просто решил подыграть мне и провести отведенные полчаса без дальнейшей пикировки.

Ладно. Не важно.

– Я хочу сказать, что известно множество примеров, когда паразиты влияют на поведение носителя. Даже кишечные палочки обладают такими способностями. Кроме *Toxoplasma gondii* существуют *Ophiocordyceps unilateralis*. Это грибы, которые превращают муравьев в зомби и заставляют их уползать далеко от муравейника, пока не найдут подходящее для распространения грибов место. После этого они прицепляются намертво к травинке или стеблю растения и гниют заживо.

При этом *Ophiocordyceps unilateralis* вовсе не уникальны. Существует множество паразитов, заражающих насекомых, – от грибов до круглых червей. Мы обнаружили лишь некоторых из них, тех, что вызывают наиболее странные отклонения в поведении. Кто знает, сколько еще видов действует тоньше, влияя, например, на маршруты миграции птиц, или воздействуют на акул, или на людей.

– Вы предполагаете, что какой-то вид паразитов мог повлиять на утрату Маркусом способности контролировать свое поведение? – спрашивает Галлард.

– Хуже! Он же жаловался на головную боль, верно? И другие специалисты из его команды тоже были чем-то больны. Но никто не брал больничный на неделю, как при гриппе. Это было что-то другое. Под описание Маркуса больше всего подходит грибковая инфекция. Но это лишь догадка. Нужно провести анализ выдыхаемого воздуха на наличие спор. А еще нужно понять, как произошло первоначальное заражение.

– Первоначальное? – переспрашивает Вельц. – Может, плесень у него под холодильником разрослась.

– Это тоже нужно будет проверить, но нет. Вы что, не слушаете? – Я обвожу взглядом комнату. – Или не понимаете? Уже был случай, связанный с агрессивным поведением среди тех, кто работал у дома Ойо. Они все могут быть заражены.

– Заражены чем? – спрашивает Галлард. – Этими спорами? Почему именно там?

– Не знаю. Но у вас там пол-акра разложившихся тел и тканей мозга. Криминалисты, конечно, были в защитных костюмах, но они могли не сработать против переносимых по воздуху спор. Особенно в высокой концентрации.

– Вы хотите сказать, что это от Ойо? Он был носителем?

– Не знаю. Его сдержанность и импульсивность Маркуса кажутся полными противоположностями. Но, может быть, на разных людей патоген воздействует по-разному. Может, он был невосприимчив. А может быть, Ойо и вовсе тут ни при чем.

– Доктор Крей, при всем уважении, это все весьма запутанно. Мы попросим Маркуса сдать необходимые анализы. То же самое касается и остальных членов команды, если они согласятся. Это максимум, что мы можем сделать.

– Вы смеетесь? Такие вещи стандартным анализом крови не определяются.

– У нас здесь очень неплохая больница.

– И они знают, как сделать анализ на патоген, к которому даже нет тест-комплектов? И как? Нужно звонить в Центры по контролю и профилактике заболеваний. Нужно закрыть дом и участок Ойо на карантин. Нужно провести тщательное обеззараживание всего и всех, кто там побывал – вас, меня, всех.

Они уже меня не слушали. Я видел такое выражение на лицах, как у них сейчас, и раньше. Так же на меня смотрели, когда я говорил, что Джунипер Парсонс убил человек, а не медведь. И когда я пытался объяснить, что Тоймен существует. Несмотря на эти случаи, на слово они мне все равно не поверят. Наоборот, будут еще активнее требовать доказательств. Они считают, что мне случайно повезло дважды, и теперь я убежден в собственных фантазиях. Еще мгновение,

и меня попросят удалиться. Они согласятся проверить мою теорию, но поручат это кому-то, кто совершенно в этом деле не разбирается.

– Знаете что? – говорю я собравшимся. – С меня хватит. Я все это уже видел и не раз. И за своими монстрами гоняйтесь сами, меня на всех не хватит. Удачи.

С этими словами я выхожу из комнаты. Хотелось бы, чтобы случай Маркуса был единичным, но рано или поздно выяснится, что жену агента, которая сейчас в коме, избил муж. Начнут накапливаться и другие случаи агрессии. Возможно, кто-то еще пострадает или погибнет, но я сделал все, что мог.

Глава 14

Водоворот

Галлард сидит, уставившись в чашку с кофе. Я неохотно согласился на отчаянную просьбу встретиться с ним в кофейне на Пичтри-стрит в центре Атланты. Согласился только потому, что до этого никак не мог заподозрить его вообще в способности к отчаянным просьбам. Он смотрит в свой кофе с самого моего прихода. То ли пытается подобрать слова, чтобы начать разговор, то ли пытается заставить меня говорить. Возможно, и то, и другое.

– А вы, оказывается, можете быть весьма пылким для бессердечного сукина сына, которым пытаетесь казаться.

– Ну, по крайней мере развлекся, раз уж пришлось сделать крюк по дороге в аэропорт.

– Погодите, я не закончил мысль, – Галлард лезет в карман и достает кошелек. Он вытаскивает небольшой белый прямоугольник и некоторое время его разглядывает. – Вот, взгляните.

Это фотография женщины. Судя по прическе и фону, сделана в 90-х в фотостудии какого-нибудь торгового центра. Женщина приятно улыбается, но в глубине взгляда притаилась непонятная печаль.

– Кто это? – спрашиваю я, возвращая ему фото.

– Колин Винчелли. Или жертва номер шесть. Убита 12 марта 1999 года Кевином С. Даунсом. Я искал Даунса, но имени его мы тогда еще не знали. Только несколько жертв в Пенсильвании. Все женщины, все примерно одного с Колин возраста. Был свидетель, который видел, как убийца покидал место преступления, он и помог составить фоторобот. Никаких особых примет, но мы напечатали его в нескольких газетах. У напарника, с которым я тогда работал, были проблемы со здоровьем и бракоразводный процесс в разгаре, поэтому в основном дело вел я один. Зацепки были, но по-настоящему мы концентрировались на данных от криминалистов. Мы были уверены, что рано или поздно он ослабит внимание и мы получим образец крови или спермы, который можно будет прогнать через базу данных. – Галлард делает паузу, а потом добавляет: – Это была моя первая ошибка.

– Он не совершал ошибок?

– Практически. С тех пор, во время расследования дел маньяков, когда я слышу, что потенциальный убийца «ослабит внимание» или «ошибется», я вздрагиваю. Это значит, что на самом деле мы ждем, когда кто-то еще умрет. Это не значит, что нам не хватает рвения, но вот изобретательности, да, не хватает часто.

Я согласно киваю.

– Но Даунс все-таки ослабил контроль, одна из жертв укусила его за руку до крови. Мы получили образец ДНК и тип раны, которую нужно было искать у потенциального убийцы. Это было второе убийство после Колин. Жертва номер восемь. Мы поздравили друг друга с успехом и с предотвращением следующих убийств. Доказательная база была железобетонная, и вскоре был вынесен обвинительный приговор. – Галлард качает головой, на его лице отражаются очень разные эмоции. – И вот теперь у меня всегда с собой фотография Колин... Дело в том...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.